

МАРГАРИТА ФУАРО

ДОКТОР
ДЛЯ
ВИКИНГОВ

Маргарита Фуаро

Лекарка для Викинга

<https://litres.ru/74496449>

Аннотация

Варвара Соколова привыкла бороться за чужие жизни. Она фельдшер, женщина с тяжёлым прошлым и руками, которые помнят слишком много смертей.

Но однажды она приходит в себя на ледяном берегу - связанная, избитая, в чужом теле. Здесь её зовут Лив Торстейндоттир. Здесь её считают ведьмой. И здесь её уже ведут топить.

Суровый ярл Эйрик Ульвссон готов исполнить приговор, пока в его доме не начинает умирать маленький сын. В мире, где болезнь называют гневом богов, только Вара понимает, что ребёнка ещё можно спасти.

Она получает отсрочку смерти, но не свободу.

Теперь ей придётся выжить среди людей, которые боятся её дара, раскрыть тайну девушки, чьё тело она заняла, и понять, кто на самом деле убивает Волчий дом изнутри.

А ещё - не забыть, что самый опасный мужчина этого мира однажды был её палачом.

Даже если теперь смотрит так, будто уже не сможет отпустить.

Содержание

Глава 1. Ледяная бухта	4
Глава 2. Дом, где пахнет дымом	15
Глава 3. До утра	27
Глава 4. Имя чужой женщины	39
Глава 5. Хлеб от наследника	55
Глава 6. Волчий дом	73
Глава 7. Невидимая грязь	89
Глава 8. Брат с улыбкой	103
Глава 9. Песня о ведьме	120
Глава 10. Рана воина	133
Глава 11. Условия ярла	149
Глава 12. Чужая память	167
Глава 13. Роды Йорунн	183
Конец ознакомительного фрагмента.	187

Глава 1. Ледяная бухта

Холод первым сказал мне, что я ещё жива.

Он вгрызался в спину, в плечи, в голые запястья, в щёку, прижатую к мокрой земле. Не боль даже — злая, жадная стужа, от которой сводило пальцы и хотелось свернуться в комок. Но я не могла. Руки были связаны за спиной.

Я дёрнулась — и тут же застонала.

Верёвка впилась в кожу. Во рту был вкус крови, соли и чего-то горького. В виске стучало так, будто кто-то бил туда молотком изнутри.

Где я?

Последнее, что помнила: мокрый асфальт, жёлтый свет фар, телефон в кармане, который вибрировал уже третий раз подряд. Мама. Я тогда не взяла. Сил не было. После смены пальцы дрожали так, что я еле попала ключом в замок машины.

А потом...

Ничего.

Я открыла глаза.

Передо мной было море.

Чёрное, тяжёлое, злое. Оно перекатывалось в нескольких шагах, шипело у камней, будто ждало. Над водой висел туман. В нём дрожали огни факелов.

Факелов.

Я моргнула.

Нет. Не может быть.

Вокруг стояли люди. Мужчины в грубой шерсти и мехах. У кого-то на поясе висел топор. У кого-то — длинный нож. За их спинами жались женщины, тоже в шерстяных платьях, с покрытыми головами, с лицами, в которых было больше страха, чем жалости.

На меня смотрели так, как смотрят не на человека.

На болезнь.

На пададь у колодца.

На ту, кого надо убрать, пока беда не расползлась дальше.

— Лив...

Это слово прошелестело где-то справа. Потом ещё раз. Громче.

— Лив Торстейндоттир.

Я с трудом повернула голову.

— Я не... — голос сорвался, горло обожгло. — Я не Лив.

Кто-то плюнул рядом с моим лицом.

— Слышите? Опять лжёт.

Я замерла.

Я понимала их.

Слова звучали странно. Жёстко, с рычащими согласными, не так, как русский, не так, как любой язык, который я когда-либо слышала. Но смысл доходил ясно, будто кто-то вкладывал его прямо в голову.

Это невозможно.

Невозможно — хорошее слово. Удобное. Только вот верёвка на руках была настоящей. Камень под щекой — настоящим. Холод — таким настоящим, что зубы стучали.

Меня грубо подняли на колени.

Мир качнулся. Перед глазами поплыли огни. Я едва не упала обратно, но чья-то ладонь сжала плечо так сильно, что я вскрикнула.

— Стоять, ведьма.

Ведьма.

Я посмотрела на того, кто держал меня. Рыжебородый мужчина с тяжёлой челюстью и маленькими злыми глазами. Он пах потом, дымом и железом.

— Послушайте, — я попыталась говорить медленно, спокойно, как с пьяными родственниками пациента. — Я не понимаю, что происходит. Меня зовут Варвара. Вар-ва-ра. Я фельдшер. Я...

Рыжебородый ударил меня тыльной стороной ладони.

Не сильно. Не так, чтобы выбить зубы. Просто чтобы заткнуть.

Голова мотнулась в сторону. В глазах вспыхнуло белым.

Толпа загудела.

Я прикусила язык, чтобы не закричать. Не от боли даже — от унижения, от дикого, животного понимания: здесь никто не спросит документы, не вызовет полицию, не потребует адвоката. Здесь меня могут убить просто потому, что решили.

Из круга людей вышел старик.

Высокий, худой, в тёмном плаще. На груди — костяные подвески, маленькие мешочки, высушенные птичьи лапки или что-то похожее. Длинные седые волосы прилипли к лицу от сырости. Он шёл медленно, и люди расступались перед ним.

Он остановился передо мной и посмотрел так, будто видел не лицо, а то, что у меня под кожей.

— Лив Торстейндоттир, — произнёс он тихо.

От его голоса по спине прошёл холод сильнее морского ветра.

— Я не Лив.

Старик чуть склонил голову.

— И имя своё отрекаешься. Как и от рода. Как и от крови.

— Да не знаю я никакого рода!

Слова вышли слишком громко. Кто-то ахнул. Кто-то зашептался.

Старик не повысил голос.

— Боги слышат ложь, даже когда человек дрожит.

Я рассмеялась бы, если бы не было так страшно.

Боги.

Факелы. Меха. Топоры. Ведьма.

Нет, Варя. Думай. Просто думай.

Сотрясение? Галлюцинация? Кома? Сон?

Я снова дёрнула руками. Верёвка обожгла кожу. На запястьях уже было мокро — кровь или морская вода, не поняла.

Не сон.

Старик поднял руку к морю.

— Вода примет невинную. Вода отвергнет скверну. Если в ней сидит тёмная сила, она утянет её вниз.

— Вы с ума сошли, — прошептала я.

И тут увидела его.

Он стоял чуть в стороне, но всё вокруг будто держалось на нём.

Высокий мужчина в тёмном меховом плаще. Широкие плечи. Короткая борода. Волосы убраны назад, лицо резкое, будто вырубленное из серого камня. На скуле — старый шрам. На руке — серебряный браслет.

Он не кричал. Не угрожал. Не суетился.

Просто смотрел.

И от этого было хуже.

У рыжебородого были злые глаза. У старика — фанатичные. А у этого мужчины глаза были пустые и холодные. Как у человека, который уже всё решил и теперь только ждёт, когда решение исполнят.

— Ярл Эйрик, — сказал старик, не отводя от меня взгляда. — Дом ждёт очищения.

Ярл.

Я медленно перевела дыхание.

Значит, главный он.

— Эйрик, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Послушайте меня. Я не знаю, кто такая Лив. Я не знаю,

почему я здесь. Но если вы сейчас...

Рыжебородый снова дёрнул меня за плечо.

— Не смей называть ярла по имени!

Эйрик поднял руку.

Рыжебородый сразу замолчал.

Один жест. Даже не приказ.

В горле пересохло.

Эйрик подошёл ближе. Теперь я видела, что он моложе, чем показалось сначала. Не старик, не безумец. Мужчина лет тридцати пяти. Усталый. Сдержанный. Опасный не потому, что размахивает оружием, а потому что ему для этого не надо размахивать.

Он присел передо мной на одно колено.

Не из милости. Чтобы смотреть прямо в глаза.

— Ты отрицаешь имя? — спросил он.

— Я не она.

— Отрицаешь колдовство?

— Я вообще не верю в колдовство.

По толпе прошёл испуганный шум.

Старик резко вдохнул.

Эйрик не изменился в лице.

— Тогда скажи, почему мой сын заболел после того, как тебя видели у старого колодца.

Я замерла.

Сын.

— Я не была ни у какого колодца.

— Почему скотина пала после твоих слов?

— Я не...

— Почему люди слышали, как ты звала мёртвых у кургана?

— Я не знаю!

Голос сорвался. Я ненавидела себя за это. Нельзя кричать. Нельзя показывать панику. Но всё внутри уже трещало.

Я не знала их. Не знала этого места. Не знала этого тела, этой Лив, этой ледяной бухты. А они смотрели так, будто я уже была виновата, просто ещё не умерла.

Эйрик встал.

— Довольно.

Одно слово — и рыжебородый поднял меня на ноги.

Колени подогнулись. Платье — грубое, шерстяное, мокрое у подола — прилипло к ногам. Волосы лезли в лицо. Длинные. Чужие. Светло-русые, с рыжим отливом.

Я уставилась на прядь у щеки.

У меня не такие волосы.

Не такие.

Сердце ударило куда-то в горло.

Рыжебородый толкнул меня к воде.

Первый шаг. Второй.

Камни были скользкие. Холод пробирался через тонкую обувь. Море шумело громче. Очень близко. Слишком близко.

— Нет, — сказала я.

Никто не остановился.

— Нет!

Я упёрлась пятками, но меня потащили дальше. Толпа разошлась, освобождая дорогу к чёрной воде. Кто-то шептал молитву. Женщина закрыла лицо ладонью. Ребёнок заплакал, и его быстро увели назад.

Странно. Даже сейчас мозг цеплялся за мелочи. Как горит смола на факелах. Как скрипит кожа на ремне у воина. Как у старика на плаще висит маленькая кость, похожая на птичий череп.

Я не хотела умирать.

Эта мысль была простой и постыдной.

Не благородной. Не красивой.

Я не хотела в ледяную воду. Не хотела захлебнуться. Не хотела, чтобы мои последние слова были чужим людям, которые всё равно не поверили.

Мама.

Я вспомнила её пропущенный звонок — и меня затрясло уже не от холода.

Рыжебородый шагнул в воду первым. Волна накатила на его сапоги. Он дёрнул меня за верёвку.

Я закричала.

И в этот же миг со стороны поселения донёсся другой крик.

Не женский. Не мой.

Мальчишеский, сорванный, отчаянный:

— Ярл!

Все обернулись.

Из тумана бежал подросток. Худой, в коротком плаще, без шапки. Он спотыкался на камнях, падал, снова поднимался. Лицо белое, губы посинели.

— Ярл Эйрик!

Эйрик резко повернулся к нему.

Мальчишка добежал до круга людей и рухнул на одно колено. Его трясло так, что слова срывались.

— Хальвдан... ему хуже. Он горит. Тора сказала... сказала, дыхание уходит.

Толпа будто выдохнула одним ртом.

Я не знала, кто такой Хальвдан. Но увидела, как изменилось лицо Эйрика.

Не сильно. У другого человека это была бы паника. У него — только тень, мгновенно прошедшая по глазам.

Но мне хватило.

Сын.

Больной ребёнок.

Жар. Дыхание уходит.

Что-то внутри меня щёлкнуло. Не смелость. Привычка.

Так бывало на вызовах: пока едешь, ты человек, уставший, злой, голодный. А потом открывается дверь, на полу лежит ребёнок, мать орёт, отец суетится, и ты больше не Варя Соколова с пустым термосом и больной спиной. Ты руки. Голос. Решение.

Я резко повернулась к Эйрику.

— Сколько ему лет?

Он посмотрел на меня так, будто забыл, что я ещё здесь.

— Что?

— Сколько лет ребёнку? Он в сознании? Кашель есть?

Рвота? Судороги?

Старик в тёмном плаще шагнул между нами.

— Не слушай её. Она услышала страх и хочет вцепиться в него.

— Молчи, — сказала я.

И сама испугалась того, как это прозвучало.

Толпа замерла.

Старик медленно повернул ко мне лицо.

— Что ты сказала?

Я посмотрела не на него. На Эйрика.

Только на него.

— Если у ребёнка высокая температура и проблемы с дыханием, каждая минута важна. Вы можете топить меня, молиться, спорить, искать знаки на небе — что угодно. Но если он задыхается, ему плевать на ваших богов. Ему нужен воздух. Вода. Холодная ткань. И тот, кто понимает, что делает.

Рыжебородый сжал моё плечо так, что потемнело в глазах.

— Ведьма!

— Фельдшер, — выдохнула я. — Хотя вам это слово всё равно ничего не скажет.

Эйрик подошёл ближе.

Между нами было всего полшага. От него пахло мокрым мехом, дымом и железом. Он смотрел так, будто пытался решить, убить меня сейчас или использовать раньше.

— Если ты солжёшь...

— Ваш сын умрёт, пока вы заканчиваете фразу.

В его глазах что-то вспыхнуло.

Страшное.

Но я уже не могла остановиться.

Я подняла связанные руки, насколько позволяла верёвка.

— Развяжи меня. Или твой сын не доживёт до рассвета.

Глава 2. Дом, где пахнет дымом

Эйрик не ответил сразу.

Он смотрел на меня так долго, что я успела пожалеть обо всём: о резкости, о словах, о том, что вообще открыла рот. Вокруг шумело море. Факелы трещали на ветру. Где-то за спинами людей всхлипывала женщина, но быстро замолчала, будто ей закрыли рот ладонью.

Потом Эйрик повернул голову к рыжебородому.

— Развяжи.

— Ярл...

— Одну руку.

Рыжебородый выругался себе под нос, но послушался. Верёвка ослабла не полностью. Мне освободили только правую руку, левую оставили привязанной к петле на запястье. Рыжебородый держал конец так, будто вёл собаку.

Я хотела сказать, что так не работают. Что мне нужны обе руки. Что с ребёнком, который задыхается, не торгуются.

Но умный человек иногда молчит, чтобы дожить до следующей минуты.

Я сжала и разжала пальцы. Кожа на запястье горела. Под ногтями была грязь. Чужие руки. Тонкие, обветренные, с синими следами верёвки.

Мои — не мои.

Меня качнуло.

Эйрик заметил.

— Пойдёшь сама?

— Если перестанете тащить, как мешок.

Рыжебородый дёрнул верёвку. Я едва удержалась на ногах.

Эйрик бросил на него короткий взгляд.

Тот сразу перестал.

Мы пошли вверх от бухты. Камни скользили под тонкой кожаной обувью. Ветер бил в лицо так, будто хотел вернуть меня обратно к воде. Люди расступались молча. Кто-то шептал мне вслед. Я ловила отдельные слова: ведьма, Лив, смерть, мальчик, боги.

Боги.

Я чуть не рассмеялась. Нервно, некрасиво.

Ещё вчера — или сколько прошло? — я ругалась с диспетчером из-за адреса, где подъезд не открывали. Слушала хрипы старика с отёком лёгких. Пила холодный кофе из бумажного стакана. Пропустила звонок мамы.

А теперь меня ведут через какое-то поселение викингов, чтобы я спасала ребёнка ярла, который пять минут назад собирался меня утопить.

Нормально, Варя.

Просто шикарная смена.

Поселение выросло из тумана внезапно: низкие дома, крыши, прижатые к земле, тёмные бревенчатые стены, дым над отверстиями в кровле. Между постройками пахло мок-

рой шерстью, навозом, рыбой и золой. Где-то лаяла собака. Где-то плакал ребёнок.

Большой дом стоял выше остальных.

Он был длинный, тяжёлый, будто не построенный, а вросший в землю. У входа горели факелы. На дверях висели шкуры. Рядом стояли двое воинов. Когда Эйрик подошёл, они открыли проход без слов.

Внутри меня ударило жаром и дымом.

Я закашлялась.

Глаза сразу заслезились. Дым стелился под крышей, цеплялся за балки, ел горло. В центре горел очаг. На стенах висели щиты, связки трав, шкуры, какие-то инструменты, сушёная рыба. Люди спали и сидели на лавках, но при нашем появлении все поднялись или хотя бы повернули головы.

Разговоры не стихли.

Они умерли.

Эйрик прошёл вперёд, не глядя по сторонам. Я шла за ним, стараясь не споткнуться. Рыжебородый держал верёвку. Ещё один воин встал у двери. Очень мило. Консилиум под конвоем.

У дальнего очага, на широком ложе, лежал ребёнок.

Мальчик.

Маленький, лет шести. Худой. Светлые волосы прилипли ко лбу. Щёки красные, губы сухие, потрескавшиеся. Его укрыли мехами так плотно, будто хотели не вылечить, а запечь. Он хрипел. Каждое дыхание давалось ему с трудом —

короткое, цепляющееся, с противным свистом на выдохе.

Возле него сидела старая женщина. Сухая, костлявая, с острыми глазами. В руках у неё была деревянная чаша. От чаши пахло травами и чем-то кислым.

Рядом стоял тот самый старик в тёмном плаще — Хравн. Его костяные подвески тихо постукивали друг о друга.

— Ты привёл её в дом, — сказала старая женщина.

Она не кричала, но в голосе было столько яда, что мне захотелось отступить.

— Если она обманет, умрёт, — ответил Эйрик.

— Если она коснётся мальчика грязной силой, он умрёт раньше.

— Он и так умирает, — вырвалось у меня.

Старая женщина повернулась ко мне.

Я подошла к ложу. Рыжебородый дёрнул верёвку.

— Ближе нельзя.

— Тогда сами лечите.

Он замахнулся, но Эйрик перехватил его за запястье.

Не резко. Просто взял — и рыжебородый застыл.

— Пусти её.

— Обе руки, — сказала я.

Эйрик посмотрел на меня.

— Нет.

— Мне нужно работать.

— Одной рукой.

Я уставилась на него. Потом на ребёнка. Потом снова на

него.

Сейчас не время спорить до победы. Сейчас время выиграть то, что можно.

— Тогда стой рядом и делай, что скажу.

По дому прошёл шум.

Рыжебородый даже рот открыл.

Эйрик медленно наклонил голову.

— Осторожнее.

— Ваш сын не дышит осторожно.

Он больше ничего не сказал.

Я села на край ложа и коснулась лба мальчика тыльной стороной пальцев. Горячий. Очень горячий. Кожа сухая. Дыхание частое, поверхностное. На шее жилка билась быстро-быстро. Я приподняла веко — взгляд мутный, но реакция есть.

— Хальвдан, — позвал Эйрик.

Мальчик не ответил. Только хрипнул.

У меня внутри что-то сжалось.

Не сейчас. Только не сейчас.

Я наклонилась ближе. Дым бил в глаза. Меха были влажные от пота. Воздуха вокруг почти не было.

— Уберите меха.

Старая женщина вцепилась в край покрывала.

— Нельзя. Жар надо выгнать потом.

— Вы его перегрели.

— Что?

— Он горит. Ему нечем дышать. Уберите меха.

— Она хочет остудить кровь, — тихо сказал Хравн. —

Так забирают жизнь.

Я резко повернулась к нему.

— Жизнь сейчас забирает вот это.

Я ткнула пальцем вверх, в дым.

Потом показала на меха.

— И это.

Старая женщина побледнела от злости.

— Девка, я принимала детей до того, как твоя мать узнала мужскую постель.

— Отлично. Значит, руки у вас есть. Поможете.

Она будто подавилась воздухом.

Эйрик шагнул ближе.

— Что нужно?

Слава богу. Хоть кто-то способен задавать полезные вопросы.

— Чистая вода. Не из чаши, из которой все пьют. Отдельная. Лучше кипячёная.

На меня уставились так, будто я попросила крови единого рога.

— Кипячёная? — переспросила старая.

— Вода. На огонь. Потом остудить. Быстро.

Никто не двинулся.

Я подняла голос:

— Вода! Ткань! Чистая, насколько у вас тут вообще бы-

вает чистая. Убрать меха. Поднять его чуть выше, не класть ровно. И откройте вход или дыру в крыше, пусть дым уходит.

— Холод войдёт в дом, — сказала какая-то женщина.

— Лучше холод, чем смерть.

Хравн сделал шаг ко мне.

— Ты говоришь так, будто смерть слушается твоих приказов.

Я не посмотрела на него. Я смотрела на мальчика.

— Нет. Но иногда она опаздывает, если ей мешать.

Эйрик резко повернулся к женщинам у очага.

— Воду.

Они вздрогнули и бросились выполнять.

— Ткань, — добавил он.

Старая женщина сжала губы, но отдёрнула мех. Я помогла одной рукой, насколько могла. Под ним тело мальчика было мокрым от пота. Рубаха прилипла к груди.

Я приложила ладонь к его грудной клетке. Дыхание жёсткое, шумное. Кашель был, но слабый. Он не мог нормально откашляться.

— Как давно он болеет?

Эйрик молчал секунду.

— Третий день.

— Жар всё время?

— Сначала меньше.

— Пил?

— Давали отвар.

Я посмотрела на чашу в руках старухи.

— Сколько?

Она поджала губы.

— Столько, сколько нужно.

— Он мочился сегодня?

Тишина.

Я подняла глаза.

— Писал он сегодня? Мочился? Мокрые тряпки были?

Женщины переглянулись. Одна, помоложе, тихо сказала:

— С утра нет.

Плохо.

Очень плохо.

— Он обезвожен.

— Что это значит? — спросил Эйрик.

Я не стала искать красивых слов.

— В нём мало воды. Жар сушит. Дыхание забирает силы.

Если он не будет пить, сердце не выдержит.

Эйрик посмотрел на сына.

И вот тут я увидела не ярла.

Отца.

На мгновение. Совсем короткое. Но увидела.

Потом он снова стал каменным.

— Он будет жить?

Я ненавидела этот вопрос.

Потому что люди всегда задавали его, когда хотели обещание. А медицина — даже там, в моём мире, с аппаратами,

лекарствами, кислородом — не всегда давала обещания.

Здесь же у меня была одна рука, дымный дом, грязная ткань и толпа людей, готовых назвать меня ведьмой за любой вдох не в ту сторону.

— Не знаю, — сказала я честно.

Эйрик медленно повернулся ко мне.

Я добавила быстрее:

— Но если будете мешать, точно нет.

Хравн тихо засмеялся.

— Слышишь, ярл? Она уже ставит условия над жизнью твоего сына.

Эйрик не посмотрел на него.

Он смотрел только на меня.

— Если он умрёт...

— Я поняла. Меня убьют.

— Нет, — сказал он тихо.

От этого стало хуже.

Он наклонился ко мне так близко, что я увидела тонкий шрам у его губы.

— Если он умрёт из-за тебя, ты будешь просить воду раньше, чем мы дойдём до бухты.

По спине прошёл ледяной пот.

Я могла бы испугаться. Я и испугалась.

Но Хальвдан снова хрипнул — и страх отступил на шаг. Не исчез. Просто подвинулся, освобождая место работе.

— Угрозы не снижают температуру, ярл.

В доме стало совсем тихо.

Я взяла принесённую ткань. Она была грубая, но хотя бы без видимой грязи. Женщина поставила рядом чашу с водой.

— Это не кипячёная.

— Её только принесли, — буркнула она.

— На огонь. Другую — сюда. Сейчас будем обтирать. Не ледяной. Прохладной.

Старая женщина шагнула ближе.

— Я не позволю тебе мучить мальчика.

Я посмотрела ей прямо в глаза.

— Как вас зовут?

Она не ответила.

— Тора, — сказал Эйрик.

— Тора, если он выживет, вы сможете ненавидеть меня сколько угодно. Сейчас держите ему голову.

Её лицо исказилось.

Я думала, она откажется.

Но Хальвдан вдруг закашлялся. Слабо, с надрывом. Его маленькое тело выгнулось, он попытался вдохнуть — и не смог нормально.

Тора побледнела.

Потом села с другой стороны и положила ладонь ему под затылок.

— Вот так, — сказала я тише. — Чуть выше. Не запрокидывать.

Эйрик стоял рядом. Я чувствовала его взгляд на каждой

своей руке, на каждом движении. Будто он мог силой заставить сына жить.

Я смочила ткань и начала обтирать мальчику лицо, шею, руки. Потом осторожно приподняла его, чтобы дать воды.

— Маленькими глотками. Не заливать.

— Он не глотает, — сказала женщина у очага.

— Значит, будем ждать, пока сможет.

Хальвдан открыл глаза.

Серые. Мутные. Испуганные.

Очень похожие на отцовские, только без льда.

— Папа... — прошептал он едва слышно.

Эйрик сразу наклонился.

— Я здесь.

Мальчик попытался вдохнуть, но воздух застрял в горле.

Грудь судорожно поднялась. Потом ещё раз.

Слишком часто.

Слишком слабо.

Я отбросила ткань.

— Свет ближе! И уберите людей от него, ему нужен воздух!

Никто не пошевелился.

Я сорвалась:

— Сейчас!

Эйрик рывкнул одно короткое слово, и дом ожил. Люди отступили. Кто-то распахнул дверь. Внутри ворвался холодный воздух, дым качнулся, огонь в очаге зашипел.

Хальвдан сделал вдох.

Потом второй.

И вдруг его дыхание оборвалось на середине.

Губы начали синеть.

Тора всхлипнула.

Эйрик застыл.

А я поняла: времени почти нет.

Глава 3. До утра

— Он не дышит, — сказала Тора.

И в её голосе впервые не было злости.

Только страх.

Я не ответила. Слова сейчас мешали.

Хальвдан лежал передо мной маленький, мокрый от пота, с посиневшими губами. Грудь дёргалась, будто тело ещё пыталось вспомнить, как это — вдохнуть. Люди вокруг замерли. Кто-то начал шептать молитву. Хравн поднял руку к подвескам на груди.

Нет.

Только не это.

— Свет ближе! — рявкнула я.

Никто не двинулся.

Я повернулась к Эйрику:

— Если они сейчас будут стоять и ждать богов, мальчик умрёт!

Эйрик не закричал. Даже не вздрогнул. Просто выхватил факел из руки ближайшего воина и сам поставил его так близко, что жар обжёг мне щёку.

— Что делать?

Вот теперь можно.

Я сунула пальцы Хальвдану под подбородок, осторожно приподняла голову, открыла рот. Внутри — густая слизь,

следы какого-то отвара, тяжёлый кислый запах.

— Ткань!

Тора подала первую попавшуюся тряпку.

— Чистую!

— Она чистая!

— На ней жир!

Старая знахарка зло выдохнула, но сорвала с пояса кусок льна. Не идеально, но лучше. Я намотала ткань на палец и осторожно вычистила рот мальчика. Он дёрнулся. Грудь снова судорожно поднялась.

— Дыши, давай... — прошептала я. — Ну же, маленький. Давай. Не сейчас.

Эйрик стоял над нами неподвижно.

Я чувствовала его, как чувствуют нож у горла. Но смотреть на него было нельзя. Стоит посмотреть — и страх вернётся.

Я растёрла мальчику грудь, повернула его чуть набок, чтобы он не захлебнулся, снова приподняла. Хальвдан хрипнул. Потом закашлялся — слабо, жалко, но закашлялся.

И вдохнул.

Не глубоко. С болью. С ужасным свистом.

Но вдохнул.

По дому прошёл шум, будто все разом вспомнили, что тоже умеют дышать.

— Не толпиться! — сказала я. — Отойдите от него. Воздух нужен ему, не вам.

Кто-то возмущённо ахнул.

— Отойти, — повторил Эйрик.

И люди отступили.

Я снова смочила ткань и провела по лицу Хальвдана. Он горел. Жар был такой, что кожа под пальцами казалась чужой, сухой, опасно горячей.

— Вода где?

Женщина у очага поднесла деревянную чашу.

Я понюхала. Травы. Горечь. Дым.

— Это не вода.

— Это отвар, — сказала Тора. — От жара.

— Пока не надо.

— Девка...

— Не надо, — повторила я жёстче. — Он и так еле глотает. Если его вырвет, он может захлебнуться.

Тора поджала губы. Её пальцы сжались так, что побелели костяшки.

— Ты говоришь так, будто знаешь смерть лучше меня.

Я наконец посмотрела на неё.

— Нет. Просто я видела, как дети умирают от того, что взрослые слишком уверены в себе.

Она замолчала.

На мгновение в её глазах мелькнуло что-то тяжёлое. Не согласие. Память.

Но спорить она перестала.

Мне принесли воду. Не кипячёную, конечно. Просто хо-

лодную, мутноватую, из общего ведра. Я едва не выругалась. Потом вспомнила, где нахожусь. Здесь даже это было победой.

— На огонь поставили другую?

Молчание.

Я медленно повернулась к женщинам.

— Я сказала: воду. На огонь.

Одна из них растерянно посмотрела на Эйрика.

Тот даже не повысил голоса:

— Делай.

Женщина бросилась к очагу.

Я смочила губы Хальвдана. Потом дала каплю воды. Он не сразу, но сглотнул.

— Хорошо, — прошептала я. — Вот так. Ещё чуть-чуть.

— Он должен пить больше, — сказал Эйрик.

— Он должен не захлебнуться.

— Он слаб.

— Я вижу.

— Тогда заставь его.

Я резко подняла голову.

— Это не бой, ярл. Здесь нельзя победить приказом.

Слова повисли между нами.

В доме опять стало тихо.

Эйрик смотрел на меня так, что у нормального человека язык прилип бы к нёбу. У меня тоже прилип. Просто вслух это уже было сказано.

Он медленно выдохнул.

— Тогда как?

Вопрос прозвучал почти грубо. Но это был вопрос.

Я смягчила голос.

— Часто. По чуть-чуть. Следить, чтобы он глотал. Если начнёт синеть — переворачивать на бок. Если снова перестанет дышать — звать меня. Не кутать. Менять влажную ткань. Дым держать подальше.

— Дым всегда в доме, — буркнула женщина у очага.

— Тогда сегодня дом будет жить с открытой дверью.

— Холод...

— Холод не убивает за час. Дым может.

Хравн наконец заговорил:

— Ты слишком смело называешь причины смерти, чужая.

Я не повернулась.

— А вы слишком смело зовёте смерть волей богов.

Тора резко втянула воздух. Кто-то за моей спиной прошептал: “Безумная”.

Возможно.

Но Хальвдан снова начал дышать чаще. Я наклонилась к нему и забыла обо всём.

Время развалилось.

Остались только его дыхание, вода, ткань, жар и мои руки.

Я не знала, сколько прошло. Полчаса? Час? Больше? В этом доме не было часов. Только огонь, который проседал и снова поднимался, и дверь, из которой тянуло ледяным воз-

духом.

Я заставляла мальчика пить по капле. Обтирала шею, грудь, руки. Меняла мокрые тряпки. Слушала дыхание, хотя без фонендоскопа это было почти гадание. Следила за цветом губ. За тем, как часто поднимается грудь. За тем, как в какой-то момент жар перестал расти.

Не ушёл.

Но перестал забирать его так быстро.

Тора сидела рядом. Молчала. Сначала смотрела на меня как на врага, потом — как на чужой нож, который неприятно держать, но жалко выбросить, пока он режет верно.

— Подними его ещё, — сказала я.

Она сделала.

— Не так. Мягче.

— Я знаю, как держать ребёнка.

— Сейчас — не знаете.

Она метнула в меня взгляд.

— Ещё одно слово, и я сама затолкаю тебя в море.

— Потом. Сейчас держите.

И она держала.

Эйрик почти не отходил. Иногда женщины пытались подать ему скамью, чашу, плащ. Он не замечал. Стоял рядом с ложем, как камень у могилы, только пальцы на рукояти ножа выдавали, что внутри он не камень.

Хальвдан несколько раз приходил в себя.

Один раз открыл глаза и тихо позвал:

— Отец...

Эйрик сразу наклонился.

— Я здесь.

— Жарко...

— Лекарка остудит.

Я заметила это слово.

Не ведьма.

Лекарка.

Не знаю, сказал он так случайно или специально. Но Тора тоже заметила. И Хравн. Старик стоял в полутени, не мешал, но его молчание было хуже слов.

Ближе к утру меня начало трясти.

Сначала руки. Потом плечи. Потом всё тело.

Адреналин уходил. Возвращались боль, холод, голод и страх. Запястье саднило под верёвкой. Голова раскалывалась. Глаза слезились от дыма. Чужое тело ныло так, будто до меня его били долго и со вкусом.

Но Хальвдан дышал.

С хрипом. Тяжело. Но ровнее.

Я сидела рядом и считала вдохи. Раз, два, три. Пауза. Раз, два, три.

Нормально.

Почти нормально.

Не умирай.

Пожалуйста.

Я не заметила, как сказала это вслух.

Тора услышала.

— Ты молишься?

Я криво усмехнулась.

— Наверное.

— Кому?

Я посмотрела на мальчика. На его маленькую руку поверх мокрой ткани. На обветренные губы. На ресницы, слипшиеся от пота.

— Не знаю. Всем, кто не занят.

Тора молчала долго. Потом вдруг взяла сухой кусок льна и подала мне.

— Этот чище.

Я приняла.

— Спасибо.

Она фыркнула.

— Не благодари раньше рассвета.

Рассвет пришёл серым.

Сначала просто стало видно, что дым под крышей не чёрный, а синий. Потом за распахнутой дверью исчезли факелы. Потом в дом вполз слабый холодный свет.

Хальвдан спал.

Настоящим сном. Не провалом, не бредом. Жар всё ещё держал его, но дыхание стало глубже. На губах уже не было той страшной синева.

Я сидела рядом, пока не убедилась в этом трижды.

Потом попыталась встать.

Пол ушёл из-под ног.

Кто-то схватил меня за плечо. Я решила, что снова рыжебородый, и дёрнулась.

Но это был Эйрик.

Его рука держала крепко, но не больно.

— Он будет жить? — спросил он.

Я хотела ответить профессионально. Осторожно. Без обещаний.

Сказать: кризис миновал, но наблюдать, поить, жар может вернуться, нужна чистая вода, нужен воздух, не кутать, не давать непонятные отвары.

Вместо этого выдохнула:

— До утра дожил. Теперь у него есть шанс.

У Эйрика дрогнула челюсть.

Только и всего.

Но на секунду мне показалось, что весь этот огромный дом тоже выдохнул.

— Ты сказала — шанс.

— Да.

— Не жизнь.

— Я не бог, ярл.

Хравн шагнул из тени.

— Это мы ещё узнаем.

Я повернулась к нему, но сил на ответ уже не осталось. Мир плыл. Тора что-то говорила женщинам. Кто-то закрывал дверь, кто-то ворчал про холод. Хальвдан тихо кашлянул

во сне, и я машинально повернулась к нему.

Всё. Можно.

Я опустилась на пол возле очага. Просто на миг. Просто сесть. Просто закрыть глаза на одну секунду.

Последнее, что почувствовала, — как на плечи легло что-то тяжёлое и тёплое. Плащ. Пахло мокрым мехом, дымом и железом.

Я хотела спросить, кто.

Не смогла.

Проснулась от боли в запястье.

Сначала не поняла, где я. Потом увидела низкий потолок, закопчённые балки, край очага. В доме стало тише. Люди говорили вполголоса. За дверью светало окончательно.

На мне лежал тёмный меховой плащ.

А на левом запястье снова была верёвка.

Я медленно села.

У двери стоял воин. Не рыжебородый. Другой. Моложе, но с таким же каменным лицом. Рядом, на лавке, сидела Тора и смотрела на Хальвдана. Мальчик спал. Дышал хрипло, но сам.

Я осторожно выдохнула.

Жив.

Эйрик стоял у стены. Будто и не уходил.

Когда я пошевелилась, он посмотрел на меня.

— Казнь отложена, — сказал он.

Я не сразу поняла.

Потом холод прошёл по спине.

Не отменена.

Отложена.

Я медленно подняла связанную руку.

— Я спасла вашего сына.

— Ты дала ему шанс.

— И этого мало?

Эйрик подошёл ближе. Свет из двери падал ему на лицо, но глаза всё равно оставались серыми, холодными.

— Мой сын жив. Поэтому ты тоже жива.

— Как щедро.

— Не испытывай моё терпение, Лив.

Имя ударило хуже пощёчины.

— Я не Лив.

— Тогда тебе придётся объяснить, кто ты.

Я хотела сказать: Варвара Соколова. Двадцать девять лет. Фельдшер скорой помощи. Не ведьма. Не ваша пленница. Не чья-то Лив.

Но вокруг был дымный дом. У двери стояла стража. На запястье была верёвка. А возле очага спал ребёнок, ради которого я только что торговалась со смертью.

И впервые за всё это безумие я поняла: если хочу выжить, правды здесь будет мало.

Хравн прошёл мимо меня к выходу. На мгновение остановился.

Его голос был тихим, почти ласковым:

— Иногда боги оставляют ведьму жить, чтобы увидеть, кого она погубит следующей.

Он ушёл.

А я осталась сидеть на полу, под чужим плащом, со связанными руками и чужим именем, которое теперь могло стоить мне жизни.

Глава 4. Имя чужой женщины

Меня вывели из большого дома, когда Хальвдан снова уснул.

Не сразу. Сначала я ещё пыталась объяснить Торе, что мальчику нельзя давать тяжёлый отвар, пока он плохо глотает. Что воду надо кипятить. Что меха не возвращать. Что если губы снова начнут синеть — звать меня сразу, не после молитв, не после споров, не когда “боги решат”.

Тора слушала с лицом человека, который предпочёл бы затолкать меня обратно в ледяную бухту, но запоминала.

Это было уже кое-что.

Эйрик стоял рядом молча. На мне всё ещё был его плащ, тяжёлый, тёплый, пахнувший дымом, мокрой шерстью и железом. Я старалась не думать, что без него меня бы уже трясло от холода так, что зубы стучали бы на весь дом.

Потом он сказал:

— Увести её.

И всё.

Никакого спасибо. Никакого “ты спасла моего сына”. Никакого “простите, что чуть не утопили”.

Хотя, конечно, на последнее я особо не рассчитывала.

Верёвку на запястье держал уже не рыжебородый. Другой воин — моложе, широкоплечий, с пустым лицом. Он не грубил, но шёл так, будто ведёт опасного зверя.

— Я должна быть рядом, если ему станет хуже, — сказала я Эйрику.

Он повернул голову.

— Будешь рядом.

— За дверью с верёвкой?

— Живая.

Вот и весь разговор.

Меня провели мимо очага, мимо женщин, которые теперь смотрели не так, как ночью. Страх меньше не стало, но в нём появилась трещина. Они видели, что Хальвдан дышит. Видели мои руки на его лбу, воду, мокрую ткань, рассвет.

И всё равно отступали, когда я проходила.

Ведьма, которая спасла ребёнка, всё равно оставалась ведьмой.

На улице было серо и сыро. Рассвет только расплзался над поселением, цепляясь за крыши и дым. Воздух после дома казался острым, чистым до боли. Я вдохнула — и закашлялась.

Меня отвели не далеко. К низкой пристройке у большого дома, где пахло старым сеном, кожей и холодной землёй. Внутри было темно. Щели в стенах пропускали ветер. В углу стояла лавка, на полу — грязная шкура, рядом пустое ведро.

Очень мило.

Почти палата интенсивной терапии.

Воин толкнул меня внутрь. Не сильно, но я всё равно пошатнулась. Ноги держали плохо. Всё тело после ночи стало

ватным, чужим.

— Сидеть, — сказал он.

— А если Хальвдану станет хуже?

Он посмотрел на меня без выражения.

— Позовут.

Дверь закрылась.

Снаружи заскрипнул засов.

Я стояла посреди темноты, глядя на щели между досками.

Потом медленно села на лавку.

И только тогда меня накрыло.

Не красиво. Не драматично.

Просто руки начали трястись. Потом плечи. Потом зубы. Я прижала ладони к лицу, но не помогло. Внутри всё дрожало так, будто я всё ещё стояла у воды, и рыжебородый тянул меня вперёд.

Я спасла ребёнка.

Меня всё равно заперли.

Я не знала, где я.

Я не знала, кто такая Лив.

Я не знала, живо ли моё настоящее тело. Или оно лежит сейчас где-нибудь в разбитой машине, а мама звонит, звонит, звонит — и никто не берёт.

— Хватит, — сказала я себе шёпотом.

Голос прозвучал чужим.

Я подняла голову.

В пристройке было слишком темно, чтобы нормально рассмотреть себя, но у двери стояла старая медная миска с мутной водой. Наверное, для скота или для тех, кто не заслужил чистой чаши. Я потянулась к ней, поморщившись от боли в запястье.

Вода дрогнула.

В ней появилось лицо.

Не моё.

Худое. Бледное. Скулы острее, чем у меня. Глаза серо-зелёные, огромные от усталости и страха. На виске тёмный синяк. Губа разбита. Волосы длинные, спутанные, русые с рыжим отливом, совсем не мои тёмно-русые, которые я всегда собирала резинкой, чтобы не мешали на вызовах.

Я смотрела на неё.

Она смотрела на меня.

— Нет, — прошептала я.

Вода дрогнула от моего дыхания, лицо расплылось.

Я резко отшатнулась и ударилась спиной о стену.

Чужое тело.

Чужое лицо.

Чужое имя.

Лив.

Я посмотрела на руки. Вчера — нет, не вчера, в другой жизни — мои пальцы были короче. На правой руке маленький шрам от разбитой ампулы. Здесь его не было. Зато на запястьях — старые следы верёвок, не только свежие. На пред-

плечье — бледный ожог, неровный, будто когда-то кожу прижгли железом или кипятком.

Мне стало дурно.

Я обхватила себя руками и стала дышать медленно. Как учили пациентов с паникой. Вдох. Выдох. Ещё раз.

Не помогало.

Тогда я сосредоточилась на фактах.

Факт первый: я жива.

Факт второй: меня зовут Варвара Соколова.

Факт третий: в этом мире меня считают Лив Торстейндот-тир.

Факт четвёртый: ребёнок ярла жив благодаря мне.

Факт пятый: если я сейчас развалюсь, это никого не спасёт. Особенно меня.

За дверью послышались шаги.

Я замерла.

Засов скрипнул. В щель просунулись сначала руки с деревянной чашей, потом рыжеватая голова.

Девушка.

Совсем молодая. Лет восемнадцать. Невысокая, с веснушками и быстрыми глазами. Она проскользнула внутрь так тихо, будто всю жизнь училась быть незаметной.

— Вода, — сказала она.

Поставила чашу на пол и хотела тут же уйти.

— Подожди.

Она застыла.

— Как тебя зовут?

Девушка посмотрела на дверь, потом на меня.

— Аста.

Имя прозвучало осторожно, как украденная вещь.

— Аста, — повторила я. — Я не причиню тебе вреда.

Она хмыкнула. Очень тихо.

— Это обычно говорят те, кто может.

Умная.

— Ты служишь в доме?

— Я трэл.

Я уже слышала это слово. Поняла смысл — рабыня. Зависимая. Та, чьё слово почти ничего не стоит.

В груди неприятно сжалось.

— Ты можешь рассказать мне, кто такая Лив?

Аста посмотрела на меня так, будто я попросила её сунуть руку в огонь.

— Ты.

— Нет. Я не она.

— Тогда ты говоришь, как безумная.

— Возможно.

Она чуть наклонила голову. Быстрые глаза скользнули по моему лицу, по рукам, по верёвке.

— Лив тоже в последние дни говорила странно.

Я медленно выпрямилась.

— Что значит “в последние дни”?

Аста снова посмотрела на дверь.

— Мне нельзя говорить.

— Мне утром могли не дать дожить до этих разговоров. Так что давай считать, что правила уже немного испортились.

Уголок её губ дрогнул, но улыбкой это не стало.

Она присела на корточки у стены, не подходя близко.

— Лив Торстейндоттир. Дочь Торстейна.

— И?

— Торстейн предал Волчий дом.

Слова упали между нами тяжело.

— Как предал?

— Говорили, он показал врагам тропу через перевал. Из-за него погибли люди ярла. Его род наказали.

— Убили?

Аста молчала.

Этого хватило.

Я сглотнула.

— А Лив?

— Её оставили.

— Из милости?

Аста посмотрела на меня почти с жалостью.

— Здесь милость редко ходит одна. Чаше с верёвкой.

Я невольно опустила взгляд на своё запястье.

— Её держали в доме?

— То здесь, то у Торы. Иногда у скота. Иногда при женщинах. Она знала травы. Молчала. Много молчала.

Совсем не я.

— За что её хотели утопить?

Аста облизнула пересохшие губы.

— Сначала пала коза. Потом у ребёнка Эйнара пошла сыпь. Потом у колодца нашли кости с рунами. Хравн сказал, что это порча. А когда Хальвдан заболел...

— Решили, что виновата Лив.

— Его видели рядом с ней за день до жара.

— Он сам подходил?

— Не знаю.

Я прикрыла глаза.

Конечно. Ребёнок заболел — найдите ведьму. Очень удобно. Особенно когда ведьма уже есть, с плохой фамилией и мёртвым отцом-предателем.

— Лив пыталась оправдаться?

Аста вдруг стала ещё тише.

— Она говорила, что жена ярла умерла не так, как все думают.

Я открыла глаза.

— Жена?

— Рагнхильд. Мать Хальвдана.

В голове будто что-то щёлкнуло.

Хальвдан. Мёртвая мать. Лив. Обвинение. Болезнь.

— Что значит “не так”?

— Не знаю. Она сказала это Торе. Потом Гудрун. Потом хотела сказать ярлу. Но её схватили раньше.

— Кто?

Аста побледнела.

— Я не видела.

— Но знаешь?

Она резко поднялась.

— Я принесла воду.

— Аста.

— Я ничего не знаю.

Она подошла к двери и постучала. Снаружи засов не сра-
зу, но сдвинулся. Перед уходом она всё-таки обернулась.

— Не говори, что спрашивала меня.

— Не скажу.

— И не говори больше, что ты не Лив.

— Почему?

Аста посмотрела мне прямо в глаза.

— Потому что если ты не Лив, значит, в её теле кто-то
чужой. А это хуже ведьмы.

Дверь закрылась.

Я осталась одна.

Вода в чаше чуть дрожала. Я взяла её обеими руками и
сделала глоток. Холодная. С привкусом дерева и дыма. Же-
лудок сжался, но я заставила себя пить медленно. Потом от-
ломил кусок чёрствой лепёшки, которую Аста оставила ря-
дом с чашей. Я даже не заметила, когда она успела.

Еда была грубой, кислой, с песком на зубах.

Но это была еда.

Я ела и думала о Лив.

Тихая девушка. Дочь обвинённого предателя. Знала тра-
вы. Молчала. Потом заговорила о смерти жены ярла — и её
повели к воде.

В этом мире совпадения пахли не судьбой.

Скорее кровью.

Я снова посмотрела на запястья. Чужие следы. Старые.
Кто-то связывал Лив и раньше. Кто-то бил её. Кто-то заста-
вил замолчать.

И теперь все эти долги висели на мне.

— Прекрасно, — прошептала я. — Просто прекрасно.

В углу пристройки что-то темнело под старой шкурой. Я
заметила это только сейчас. Маленький кожаный мешочек.
Наверное, мой? Или Лив.

Я осторожно потянулась.

Внутри были сухие травы, тонкая костяная игла, камешек
с вырезанной руной и обрывок красной нити.

Как только я коснулась нити, мир исчез.

Снег.

Не тот серый, который лежал утром у дома. Другой — гу-
стой, ночной, липнувший к волосам.

Я бегу.

Нет.

Не я.

Чужое дыхание рвётся в горле. В руках что-то зажато —
ткань, красная, мокрая. За спиной мужской голос:

— Отдай, Лив!

Боль в затылке.

Рука хватает за волосы.

Земля ударяет в лицо.

И чей-то шёпот прямо у уха:

— Не верь тому, кто говорит от имени богов.

Я очнулась на полу.

Чаша опрокинулась. Вода растеклась по доскам. Мешочек лежал передо мной, красная нить прилипла к пальцу.

Я дышала так, будто бежала на самом деле.

За дверью слышались тяжёлые шаги.

Я едва успела спрятать мешочек под край шкуры, когда засов отодвинули.

На пороге стоял Эйрик.

За его спиной — двое воинов. В полумраке пристройки он казался ещё выше. Плаща на нём уже не было. На поясе висел нож. Лицо — спокойное. Слишком спокойное для человека, чей сын всю ночь был между жизнью и смертью.

Он заметил опрокинутую чашу.

Потом мои мокрые пальцы.

Потом верёвку, впившуюся в кожу.

— Встать, — сказал он.

Я медленно поднялась. Ноги всё ещё дрожали.

— Хальвдан?

— Спит.

Я выдохнула раньше, чем успела остановить себя.

Эйрик это увидел.

— Ты рада?

— Я не люблю, когда дети умирают.

— Даже дети врагов?

— Дети не враги.

Он молчал несколько секунд.

Потом вошёл и закрыл дверь перед воинами.

Вот это мне не понравилось.

Совсем.

Я отступила на шаг, но стена была близко.

— Кто помогал тебе? — спросил Эйрик.

— В чём?

— В болезни моего сына.

Я уставилась на него.

— Вы серьёзно?

— Я всегда серьёзен.

— Я всю ночь пыталась его спасти.

— Возможно, чтобы скрыть то, что сделала до этого.

Усталость сгорела за секунду. Осталась злость.

— Вы либо глупый, либо очень хотите найти виноватую.

Его глаза стали холоднее.

— Осторожнее, Лив.

— Я не Лив.

— Тогда кто ты?

Я открыла рот.

И закрыла.

Что сказать?

Что я из другого времени? Что у вас тут IX век или что-то около того, а я из мира, где люди носят пластиковые бахилы, ругают Минздрав и ищут симптомы в интернете? Что утром меня собирались утопить, хотя вчера я парковалась у круглосуточной аптеки?

Он сочтёт меня безумной.

Или ведьмой.

Возможно, оба варианта одновременно.

— Варвара, — сказала я. — Моё имя Варвара Соколова.

Эйрик смотрел, не мигая.

— Чьего ты рода?

Я почти рассмеялась.

— Никакого, который здесь что-то значит.

— Откуда пришла?

— Издалека.

— Кто послал тебя?

— Никто.

— Ложь.

— Правда.

Он сделал шаг ближе.

— В моём доме болеет сын. Перед этим у колодца видят женщину, которую уже обвиняли в порче. Она отрицает имя. Говорит словами, которых не знает ни одна женщина моего фьорда. Спасает мальчика так, как не умеет даже Тора. И хочет, чтобы я поверил: она просто упала с неба?

Я подумала.

— Если выбирать между небом и морем, то давайте не морем. Мне сегодня хватило.

Он не оценил.

— Ты смеёшься?

— Нет. Я пытаюсь не орать.

Эйрик вдруг схватил меня за связанную руку и повернул запястье. Я зашипела от боли.

— Эти следы были на тебе до сегодняшнего дня.

— Я знаю.

— Кто тебя связывал?

— Я не помню.

Это было почти правдой.

— Кто бил?

— Не помню.

— Кто дал тебе руны?

Мешочек под шкурой будто стал тяжелее.

Я промолчала.

Эйрик заметил паузу.

Конечно заметил.

Он наклонился, поднял край шкуры и достал мешочек.

Сердце ухнуло.

Он развязал его, высыпал на ладонь травы, костяную иглу, камешек с руной, красную нить.

При виде нити его лицо едва заметно изменилось.

Так мало, что другой бы не заметил.

Я заметила.

— Что это? — спросила я.

Он сжал пальцы.

— Это я должен спросить у тебя.

— Я нашла его здесь.

— Это принадлежало Лив.

— Значит, спрашивайте Лив.

— Я спрашиваю.

Мы смотрели друг на друга.

Он видел перед собой её лицо. Её руки. Её следы. Её имя.

А я была внутри, как незванный гость в чужом доме, где все комнаты заперты, но за каждой слышны шаги.

— Я не она, — сказала я тише. — Хотите верьте, хотите нет. Я не знаю ваших колодцев, ваших богов, ваших врагов. Я не знаю, почему оказалась в этом теле. Я не знаю, жива ли там, откуда пришла. Но я знаю одно: ваш сын был бы мёртв, если бы я хотела ему смерти.

Эйрик долго молчал.

Потом убрал мешочек себе за пояс.

— Пока он жив, живёшь и ты.

— А потом?

— Потом узнаем, кто ты.

Он открыл дверь.

Свет ударил в глаза. За порогом стояли воины.

Уходя, Эйрик остановился и, не оборачиваясь, сказал:

— Если вспомнишь, кто дал тебе красную нить, позовёшь

стражу.

— Почему?

Он всё-таки повернул голову.

— Потому что за эту нить уже умирали.

Дверь закрылась.

Засов встал на место.

Я медленно опустилась на лавку.

Красная нить.

Рагнхильд.

Лив.

Хальвдан.

Хравн.

“Не верь тому, кто говорит от имени богов”.

Я прижала ладони к лицу и впервые за всё утро подумала не о том, как выбраться.

А о том, что, возможно, если я выберусь слишком рано, умрёт не только мальчик.

Глава 5. Хлеб от наследника

После ухода Эйрика в пристройке стало ещё холоднее.

Не потому, что он унёс с собой тепло. Нет. Просто вместе с ним ушло то странное напряжение, на котором я держалась. Пока он стоял передо мной, пока задавал вопросы, пока смотрел так, будто хотел разрезать меня взглядом и вытащить правду прямо из костей, я могла злиться.

А злость грела.

Теперь остались только сырой воздух, мокрый пол и пустое место под шкурой, где лежал мешочек Лив.

Эйрик забрал его.

Травы, костяную иглу, камешек с руной, красную нить.

И вместе с ними — единственную вещь, которая могла объяснить, почему при касании к старой нитке я вдруг увидела снег, кровь и чужой страх.

Я потеряла запястья. Верёвка уже не резала так сильно, но кожа горела. Под пальцами чувствовались свежие ссадины и старые рубцы. Эти руки много помнили. Больше, чем я.

— Лив Торстейндоттир, — прошептала я.

Имя прозвучало в темноте чужим и липким.

Я не хотела быть Лив.

Но все здесь видели только её.

Её лицо. Её вину. Её прошлое. Её красную нить.

Может, где-то настоящая Лив ещё была? Внутри? В этих

вспышках? В чужих снах, которые лезли в мою голову? Или я заняла её место окончательно, как вор, который проснулся в чужом доме и уже держит в руках чужой ключ?

Я закрыла глаза.

Нет.

Так нельзя.

Если я начну думать об этом сейчас, сойду с ума. А сумасшедших в этом мире, кажется, тоже топят. Или жгут. Или отдают богам — смотря какое настроение у старика в костяных побрякушках.

За дверью послышался тихий шорох.

Я сразу выпрямилась.

— Аста?

Ответа не было.

Шорох повторился. Потом кто-то совсем осторожно толкнул дверь. Она не открылась — засов снаружи держал крепко.

Я поднялась с лавки, стараясь не шуметь.

— Кто там?

Тишина.

Потом тонкий голос, едва слышный:

— Это я.

Я нахмурилась.

— Кто — я?

Пауза.

— Хальвдан.

У меня сердце ухнуло вниз.

— Что?

Снаружи что-то скрипнуло. Маленькие пальцы, наверное, пытались сдвинуть засов. Не получилось. Потом мальчик тихо выругался — очень серьёзно, почти по-взрослому.

Я подошла к двери.

— Ты должен лежать.

— Я уже лежал.

— Это не ответ.

— Мне надо войти.

— Тебе надо обратно в постель.

— Я принёс хлеб.

И вот это почему-то почти добило.

Я посмотрела на грубые доски двери. На щель, из которой тянуло холодом. На слабую тень за ней.

— Хальвдан, — сказала я медленно, — кто тебя выпустил?

— Никто.

Прекрасно.

— То есть ты сбежал?

— Наследники не сбегают.

— А что они делают?

— Идут туда, куда должны.

Голос был слабый. С хрипотцой. Он пытался говорить твёрдо, но после нескольких слов сбивался на дыхание.

Я прижалась лбом к двери.

— Господи, ребёнок...

— Я не ребёнок.

— Ты температурающий ребёнок, который только что чуть не умер.

Снаружи стало тихо.

Слишком тихо.

Я прикусила язык.

Он пришёл ко мне с хлебом. После всего. После жара, удущья, страха. А я накинулась, как на пациента, который отказался от госпитализации.

— Прости, — сказала я мягче. — Я не ругаюсь. Я... тревожусь.

— Почему?

Станный вопрос.

— Потому что ты болен.

— Я жив.

Вот тут он был весь сыном Эйрика.

Та же невозможная упрямость. Только в маленьком, бледном, едва стоящем на ногах варианте.

За дверью зашуршало. Засов вдруг сдвинулся.

Я отступила.

Дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы в щель протиснулся худой мальчик в длинной рубаше и накинутом на плечи меху. Лицо у него было бледное, щёки всё ещё горели пятнами. Волосы спутаны. На шее висел маленький молоточек — амулет. В одной руке он держал кусок тёмного хлеба,

завёрнутый в ткань. В другой — маленький деревянный нож.

Я уставилась на засов.

— Как ты это сделал?

Хальвдан чуть поднял подбородок.

— Я знаю двери в своём доме.

— Конечно. Ещё бы ты знал, что после лихорадки нельзя бегать по холоду.

Он сделал шаг, покачнулся и тут же схватился за стену.

Я бросилась к нему.

Верёвка на запястье не дала подойти нормально. Я вырвалась сквозь зубы, перехватила его свободной рукой и усадила на лавку.

— Сидеть.

Он хотел возразить, но закашлялся.

Сухо. Глухо. Слишком глубоко для шестилетнего ребёнка.

Я присела перед ним и приложила ладонь к его лбу.

Жар меньше, чем ночью. Но ещё есть.

— Кто разрешил тебе вставать?

— Я сам.

— Ошибка.

— Я хотел дать тебе хлеб.

Он протянул свёрток.

Я посмотрела на этот кусок. На его тонкие пальцы. На то, как он сжимал хлеб, будто это не еда, а важный дар, который надо донести любой ценой.

— Спасибо, — сказала я.

Он насторожился.

— Ты его съешь?

— Съем.

— Тебя кормили?

— Водой и лепёшкой.

— Хельга сказала, ведьмам много не надо.

— Передай Хельге, что ведьмы после ночной смены едят как волки.

Хальвдан моргнул.

— Ты правда ведьма?

— Нет.

— А сердца ешь?

— Только кашу. Если мне наконец её дадут.

Он посмотрел на меня очень серьёзно.

Потом уголок его губ дрогнул.

Не улыбка ещё. Тень улыбки.

И мне вдруг стало так больно, что пришлось опустить глаза.

Этот мальчик должен был лежать под присмотром, пить воду маленькими глотками и спать. А он тащил хлеб женщине, которую все называли ведьмой. Не потому что понимал, что я сделала. Не потому что мог защитить.

Просто потому что ребёнок помнил: кто-то сидел рядом с ним ночью, когда ему было страшно дышать.

— Хальвдан, — сказала я, — мне нужно тебя послушать.

Он сразу напрягся.

— Зачем?

— Проверить дыхание.

— Я дышу.

— Я заметила. Но хотелось бы, чтобы ты продолжал.

Он нахмурился, но позволил мне приложить ухо к его спине. Нормально послушать без фонендоскопа было невозможно, но хоть так. Вдох. Хрип. Ещё вдох. Не катастрофа. Но далеко не хорошо.

— Кашель есть?

— Немного.

— Пьёшь?

— Пиво не дали.

— И правильно. Воду?

Он поморщился.

— Вода плохая.

— Знаю. Но пить надо.

— Тора сказала, отвар лучше.

— Тора многое сказала. Ты будешь пить воду.

— Ты споришь с Торой?

— Я сегодня спорила с ярлом, старым жрецом, рыжебородым медведем и половиной дома. Тора в этом списке уже почти отдых.

Хальвдан снова посмотрел на меня тем серьёзным взрослым взглядом.

— Ты не боишься отца?

Я хотела соврать.

Сказать: нет, конечно.

Но он был ребёнок. А детям лучше не лгать там, где они и так видят правду.

— Боюсь.

— Но говоришь ему.

— Иногда страх не причина молчать.

Он задумался. Потом тихо сказал:

— Отец говорит, мужчина терпит.

— Иногда мужчина пьёт воду, когда у него жар, и ложится в постель, потому что лекарка сказала.

Хальвдан насупился.

— Я наследник.

— Наследники тоже умирают от глупости.

Он возмущённо вдохнул — и снова закашлялся.

Я подала ему чашу. Он попытался отвернуться.

— Пей.

— Не хочу.

— Мне тоже много чего не хочется. Например, быть связанной в сарае. Но мы оба сейчас будем делать неприятные вещи.

Он взял чашу двумя руками и сделал маленький глоток. Потом ещё один.

— Молодец.

Он нахмурился сильнее.

— Я не маленький.

— Не маленький. Упрямый.

— Как отец?

Я помедлила.

— Очень похоже.

Хальвдан опустил глаза на деревянный нож. Провёл пальцем по тупому лезвию.

— Он сердился?

— Когда?

— Ночью. Когда я умирал.

— Ты не умирал.

— Все думали.

Я села рядом с ним на лавку. Осторожно, чтобы не спугнуть.

— Он боялся.

Хальвдан быстро посмотрел на меня.

— Отец не боится.

— Боится.

— Нет.

— Да. Просто у него лицо такое, будто страху запретили выходить наружу.

Мальчик молчал.

За тонкой стеной пристройки кто-то прошёл. Я сразу напрыглась. Хальвдан тоже услышал, но не испугался. Наверное, привык к шагам в этом доме.

— Моя мать умерла, когда я родился, — сказал он вдруг.

Я застыла.

Слишком рано. Слишком прямо.

— Кто тебе сказал?

— Все знают.

Конечно. В таком доме даже молчание знало больше, чем ребёнку можно было вынести.

— Это не значит, что ты виноват.

Он сжал деревянный нож.

— Я не сказал, что виноват.

— Но подумал.

Его губы дрогнули. Он отвернулся.

Вот теперь он снова стал шестилетним. Больным, худым, слишком рано обученным не плакать.

Я очень осторожно положила ладонь рядом с ним на лавку. Не на плечо. Не обняла. Нельзя. Он мог испугаться. Или решить, что жалость — это слабость.

— Дети не убивают матерей своим рождением, — сказала я тихо.

Он молчал.

— Иногда взрослые умирают. От болезни. От крови. От ошибок других взрослых. Но не потому, что ребёнок появился на свет.

— Ты знаешь?

— Да.

— Откуда?

Я посмотрела на свои чужие руки.

— Я много раз видела, как люди рождаются. И как умирают.

рают. Больше, чем хотела бы.

Хальвдан повернулся ко мне.

— Ты точно не ведьма?

— Точно.

— Но ты знаешь больше Торы.

— Не всё. Просто другое.

— Откуда?

Я усмехнулась.

— Из очень далёкого места.

— За морем?

— Дальше.

— За землями франков?

— Ещё дальше.

— Там женщины спорят с ярлами?

— Там у нас нет ярлов.

Хальвдан посмотрел так, будто я сказала, что у нас нет солнца.

— А кто говорит людям, что делать?

— Слишком много людей. И обычно все сразу.

Он задумался над этим странным мироустройством. Потом вдруг протянул мне деревянный нож.

— Возьми.

Я не взяла.

— Зачем?

— Если кто-то придёт.

Горло перехватило.

Маленький мальчик. Деревянный нож. Попытка защитить ведьму от собственного дома.

— Оставь себе, — сказала я. — Мне больше нужна твоя помощь.

— Какая?

— Вернуться в постель и не умереть от собственного героизма.

Он даже почти улыбнулся.

И в этот момент дверь распахнулась.

Холод ударил внутрь. На пороге стоял Эйрик.

За его спиной — воин, бледный от ужаса, и Аста, которая смотрела в пол так, будто готовилась к наказанию.

Эйрик не сразу сказал что-то.

Он увидел сына. Меня рядом с ним. Чашу в его руках. Хлеб на моей коленке. Деревянный нож.

Лицо его стало таким, каким было у бухты.

— Хальвдан.

Мальчик попытался вскочить.

Не смог. Закашлялся.

Я удержала его за плечо.

— Не вставать.

Эйрик шагнул вперёд.

— Убери руку.

— Нет.

Все в дверях замерли.

Я подняла на него глаза.

— У него жар. Он слабый, у него кашель. Если вы сейчас заставите его вставать, чтобы показать, какой он послушный наследник, ему станет хуже.

Эйрик смотрел на мою руку на плече сына.

— Он не должен был быть здесь.

— Согласна. И кто-то должен был следить, чтобы шестилетний ребёнок после приступа не ходил по ледяному двору.

Воин у двери стал ещё бледнее.

Хальвдан сипло сказал:

— Отец, я сам...

— Молчи.

Мальчик замолчал.

Слишком быстро.

Мне это не понравилось.

— Не рычите на него, — сказала я.

Эйрик медленно повернул ко мне голову.

Очень медленно.

— Ты забываешься.

— Нет. Я запоминаю. Например, что ваш сын боится кашлять громче, чем вы разрешили.

Это было лишнее.

Я поняла это сразу.

Аста едва слышно втянула воздух. Воин у двери опустил глаза. Хальвдан застыл под моей рукой.

Эйрик подошёл ближе. Теперь между нами было меньше шага. Он мог одним движением убрать меня от мальчика.

Или придушить. Или приказать вынести обратно к воде.

Но он не сделал ничего.

Только сказал тихо:

— Ты знаешь очень мало о моём сыне.

— Я знаю, как звучит ребёнок, который пытается не пла-
кать.

Его лицо не изменилось.

Но глаза — да.

В них что-то дрогнуло. Не мягкость. Скорее удар, который
он не ожидал получить.

Хальвдан вдруг прошептал:

— Я принёс ей хлеб.

Эйрик посмотрел на него.

— Зачем?

Мальчик сглотнул.

— Она сидела со мной ночью.

Молчание стало другим.

Не легче. Просто в нём появилась трещина.

Эйрик перевёл взгляд на хлеб у меня на коленях. Потом
на чашу. Потом на сына.

— В постель.

— Я сам дойду.

— Нет.

Эйрик наклонился и поднял его на руки.

Хальвдан напрягся.

— Отец, я могу...

— Я знаю.

Два коротких слова.

Но на этот раз Эйрик не поставил мальчика на ноги. Не заставил идти. Не приказал доказать силу. Просто держал его осторожно, почти неловко, будто не привык к такой близости.

Хальвдан сначала не знал, куда деть руки. Потом всё-таки обнял его за шею.

Я отвела взгляд.

Слишком личное.

Слишком болезненное.

Эйрик у двери остановился.

— Ты осмотрела его?

— Да.

— Что с ним?

— Жар меньше. Дыхание лучше, но кашель плохой. Нужна вода. Часто. Не отвар Торы без меня. Не кутать. Не тащить по холоду. И пусть спит.

— Я услышал.

— Правда?

Он посмотрел на меня через плечо.

— Не испытывай.

— Я просто уточняю. Вчера меня тоже вроде слышали не все.

Хальвдан тихо фыркнул и тут же спрятал лицо в мехе отцовского плаща.

Эйрик это заметил.

И, кажется, впервые не понял, сердиться ему или нет.

Он вышел. Дверь закрылась, но не сразу. Перед этим Хальвдан успел обернуться и посмотреть на меня.

Я подняла кусок хлеба.

— Съем, — сказала я.

Он кивнул.

Потом дверь закрылась.

Засов встал на место.

Аста осталась снаружи. Я слышала, как Эйрик коротко приказал что-то воину. Тот оправдывался. Потом шаги удалились.

Я села обратно на лавку и посмотрела на хлеб.

Тёмный. Жёсткий. Неровно отломанный.

Первый подарок в этом мире.

От ребёнка, которого я не должна была полюбить. Ни как пациентка привязывается к спасённому, ни как женщина, которой слишком больно вспоминать мальчика из прошлой жизни.

Я откусила кусок.

Хлеб был сухой, кислый, почти безвкусный.

Я ела медленно. И почему-то каждый кусок вставал в горле.

Вечером меня не выводили.

День тянулся серой, сырой полосой. Аста больше не приходила. Никто не приносил новостей о Хальвдане. Я

несколько раз стучала в дверь, требовала сказать, как он, но стражник отвечал только одно:

— Тихо.

Я ходила по пристройке от стены к стене, пока не заболели ноги. Потом села. Потом снова встала. Слушала каждый звук. Кашель за стеной. Женские голоса. Лай собаки. Шаги.

К ночи дом затих.

Не полностью. В таком месте, кажется, тишины не бывает. Где-то скрипели доски, кто-то ворочался, ветер шевелил щели в стенах. Но людской шум ушёл глубже, стал глухим.

Я уже почти задремала, когда услышала голоса.

Не у двери.

С другой стороны стены.

Пристройка, видимо, примыкала к какому-то проходу или хозяйственному углу. Доски там были тоньше. Слова просачивались неровно, кусками.

— ...слишком быстро...

Голос мужской. Низкий. Не Эйрик.

Другой ответил тише:

— Тора говорит, жар ушёл.

— Должен был не уйти.

Я замерла.

Сердце ударило так громко, что я испугалась: они услышат.

Я медленно встала и подошла к стене.

— Не называй это здесь, — сказал второй.

Первый усмехнулся. В этом смехе было что-то лёгкое, почти приятное. От этого стало хуже.

— Мальчишка должен был ослабнуть, а не выжить.

Кровь отхлынула от лица.

Хальвдан.

Я прижалась ладонью к доскам.

— А ведьма? — спросил второй.

Пауза.

— Ведьма стала неудобной.

Шаги отдалились.

Я стояла в темноте, не двигаясь.

Сухой хлеб в животе превратился в камень.

Значит, Хальвдан заболел не случайно.

Значит, кто-то хотел, чтобы он ослаб.

Не умер — нет. Пока нет. Просто ослаб. Достаточно, чтобы дом ярла дрогнул. Достаточно, чтобы Эйрик стал уязвим. Достаточно, чтобы обвинить Лив, ведьму, меня — кого угодно.

Я медленно отступила от стены.

И впервые с момента, как очнулась у ледяной бухты, поняла: меня занесло не просто в чужой век.

Меня занесло в чужой заговор.

А ребёнок, который принёс мне хлеб, стоял в его центре.

Глава 6. Волчий дом

Утром за мной пришла женщина с ключами.

Не стражник. Не Эйрик. Не рыжебородый, которому, кажется, очень хотелось довести начатое у бухты до конца.

Женщина.

Она открыла дверь пристройки так, будто не просто снимала засов, а проверяла, не разбежались ли стены за ночь без её разрешения. Крупная, широкоплечая, в тёмном шерстяном платье, с седыми прядями у висков и лицом человека, который давно не ждёт от мира хорошего поведения.

На поясе у неё висела связка ключей.

Они звякнули, когда она шагнула внутрь.

И почему-то этот звук показался мне важнее, чем ножи у мужчин.

Ключи значили власть. Не грубую, не воинскую. Домашнюю. Таковую, без которой даже самый страшный ярл не найдёт чистой рубахи, сухой хлеб и место у огня.

Женщина осмотрела меня с головы до ног.

Не испуганно. Не брезгливо.

Практично.

Будто решала, к какой полке поставить треснувшую чашу: ещё можно пользоваться или уже выбросить.

— Вставай.

Голос низкий, сухой. Без злобы. Но спорить с ним хоте-

лось меньше, чем с топором.

— Хальвдан? — спросила я, поднимаясь.

Ноги затекли после ночи на лавке. Запястья болели. Голова тоже. Но спросить надо было сразу.

Женщина чуть сузила глаза.

— Спит.

— Жар?

— Меньше.

Я выдохнула.

Она заметила. Конечно заметила.

— Не радуйся громко, ведьма. Дом ещё не решил, чем ты стала.

— А вы кто?

— Гудрун Бьярнадоттир.

Ключи снова звякнули.

— Здесь мной зовут Гудрун Ключница. Если будешь слушать, проживёшь дольше.

— А если не буду?

Она посмотрела на меня без всякого выражения.

— Тогда мне меньше работы.

Да. Определённо власть.

Меня вывели из пристройки. У двери стоял стражник, но теперь верёвку не держал. Она всё ещё была на запястье, короткая петля, больше напоминание, чем поводок. Приятного мало, но по сравнению с бухтой — почти свобода.

Почти.

Гудрун шла впереди. Я — за ней. Стражник — сзади.

Скаурдал просыпался. Между домами тянулся дым. Люди не спешили расходиться, когда видели меня. Наоборот — останавливались, смотрели. Кто-то молча. Кто-то шептал. Женщина с ведром прижала к себе ребёнка, будто я могла взглядом испортить ему кровь.

Я не смотрела на них.

Смотрела под ноги.

После услышанного ночью всё вокруг стало другим. Не просто чужим и опасным — лживым.

“Мальчишка должен был ослабнуть, а не выжить”.

Эти слова сидели во мне, как заноза под ногтем.

Кому сказать? Эйрику?

И что дальше?

“Здравствуйте, ярл, меня тут все считают ведьмой, вы мне не верите, но я ночью через стену слышала, что кто-то хотел ослабить вашего сына. Нет, лиц я не видела. Нет, имён не знаю. Да, возможно, это опять голоса в голове чужого тела”.

Отличный план. Почти самоубийственный.

Пока у меня не было ни доказательств, ни союзников.

Только больной ребёнок, который принёс мне хлеб.

И фраза, от которой хотелось бежать к нему прямо сейчас и проверить, дышит ли.

Гудрун привела меня к большому дому.

Днём он выглядел ещё тяжелее. Закопчённые брёвна, широкая дверь, шкуры у входа, низкая крыша, из которой тя-

нулся дым. У порога лежал огромный пёс — серый, с чёрной мордой и такими глазами, будто он уже решил, какая часть меня будет вкуснее.

Я остановилась.

Пёс поднял голову.

Стражник сзади тихо хмыкнул.

— Боишься Сколя?

— Я уважаю большие зубы.

Гудрун впервые почти улыбнулась. Почти.

— Умнее, чем выглядишь.

Сколь встал, подошёл, обнюхал край моего платья, мою связанную руку, задержался у запястья. Я не двигалась. В таких случаях лучше не дёргаться. Ни с собаками, ни с людьми.

Пёс тихо фыркнул и отошёл.

— Жить будешь, — сказала Гудрун.

— Это он решил?

— Иногда он решает быстрее людей.

Мы вошли.

Дым снова ударил в горло. Я моргнула, сдерживая кашель. Вчера ночью дом был полон страха, криков и жара. Днём он оказался ещё теснее. На балках висели связки сушёной рыбы, травы, ремни, какие-то шкуры. У стен стояли лавки, на них сидели женщины с пряжей, дети, старики, воины. В центре горел очаг. В воздухе смешались запахи кислого молока, шерсти, дыма, пота, пива и вчерашней болезни.

Как здесь вообще кто-то выздоравливает?

Хальвдан лежал у дальнего очага, но уже не под горой мехов. Я отметила это сразу и внутренне сказала Торе спасибо. Или Гудрун. Или тому, у кого хватило здравого смысла.

Мальчик спал. Бледный, с влажными волосами, но дышал. Хрипло. Ровно.

Я едва не пошла к нему.

Гудрун перехватила мой взгляд.

— Потом.

— Мне надо проверить.

— Потом, сказала.

— Если у него снова...

— Если у него снова станет плохо, тебя позовут. А пока ты узнаешь правила.

Я сжала зубы.

— Прекрасно. Обожаю правила перед медицинским осмотром.

— Что?

— Ничего.

Гудрун подвела меня к небольшому углу у хозяйственной стороны дома. Не совсем рядом с рабами, но и далеко не у почётного места. Там лежала узкая шкура, стояла низкая лавка и деревянная чаша. Над головой висели мешки с чем-то сушёным.

— Здесь будешь спать.

Я посмотрела на угол.

— В доме?

— Ярл сказал держать тебя близко к мальчику.

— Как лекарку?

— Как опасность, которая может понадобиться.

Честно. Обидно, но честно.

Гудрун встала передо мной, уперев руки в бока.

— Слушай внимательно, Лив.

— Вара.

Она даже не моргнула.

— Здесь тебя знают как Лив. Если хочешь новое имя — сначала проживи достаточно долго, чтобы люди устали от старого.

Я промолчала.

Трудно спорить с тем, что звучит как приговор и совет одновременно.

— Первое. Одна по дому не ходишь. Второе. К припасам не подходишь. Третье. С детьми не говоришь без разрешения. Особенно с Хальвданом. Четвёртое. Женщинам у очага не приказываешь. Пятое. С Торой споришь только тогда, когда мальчик снова начнёт синеть.

— А если Тора захочет дать ему тот отвар?

— Скажешь мне.

— А если вас рядом не будет?

Гудрун наклонилась чуть ближе.

— Значит, молись тем богам, которым ты не веришь, чтобы я была рядом.

Я посмотрела на неё.

— Вы верите, что я ведьма?

— Я верю, что Хальвдан дышит.

Ответ был неожиданным.

Не тёплым. Не дружеским.

Но в этом доме, кажется, даже это считалось подарком.

— Тогда мне нужна вода, — сказала я.

— Тебе уже давали.

— Не мне. Ему. И всем, кто к нему подходит.

Гудрун нахмурилась.

— Говори прямо.

— Воду для Хальвдана надо кипятить. Каждый раз. Чашу мыть. Руки мыть. Ткань менять. Не брать грязные тряпки с пола, не вытирать ими ему рот, не поить из общей чаши.

Рядом кто-то фыркнул.

Я повернула голову.

У очага сидели две женщины, одна молодая, другая постарше. Обе смотрели на меня с одинаковым выражением: ну вот, ведьма проснулась и начала командовать.

— Воду кипятят для похлёбки, — сказала старшая. — Не для питья.

— Теперь будете и для питья.

Молодая прыснула.

— Слышали? Ведьма учит воду пить.

— Не ведьма, — сказала я. — Лекарка.

— Лекарка, которая не знает, что чистая вода из ручья

лучше мёртвой из котла?

Я выдохнула.

Вот оно.

Началось.

— Вода из ручья может быть грязной.

— Она прозрачная.

— Прозрачная не значит чистая.

— А кипячёная значит?

— Больше шансов.

Женщины переглянулись. Где-то за спиной тихо засмеялись.

Я почувствовала, как к лицу приливает кровь. Не от стыда — от усталости. От бессилия. Я могла объяснить про микробы, бактерии, кишечные инфекции, обезвоживание, заражение. Могла бы, если бы они знали хоть половину слов. Но для них это всё звучало бы как заклинания.

Тора появилась бесшумно.

Старая, сухая, с мешочком трав на поясе. Она остановилась у Хальвдана, поправила ткань у его горла, потом посмотрела на меня.

— Теперь она будет варить воду, Гудрун. Потом воздух. Потом, может, прикажет огонь остудить.

Женщины снова засмеялись.

Я улыбнулась. Плохо, криво.

— Огонь не надо. А вот руки помыть перед тем, как трогать больного, было бы неплохо.

Тора прищурилась.

— Мои руки принимали детей, когда тебя ещё не было.

— И сколько из них умерло от жара после родов?

Смех оборвался.

Вот это было лишнее.

Я поняла сразу.

Лицо Торы стало жёстким, как высохшая кожа.

Гудрун шагнула между нами.

— Хватит.

Я сжала губы.

Да. Хватит. Я не в больнице. Здесь нельзя побеждать спором, унизив того, кто десятилетиями был нужен людям. Особенно если потом мне всё равно понадобится её помощь.

— Простите, — сказала я через силу.

Тора молчала.

Гудрун посмотрела на меня внимательнее.

— За что?

— За резкость. Не за воду.

Старая ключница хмыкнула.

— Умная ведьма опаснее глупой.

— Я всё ещё не ведьма.

— Тогда не заставляй дом доказывать обратное.

Она повернулась к женщинам у очага.

— Воду для мальчика кипятить.

Старшая женщина вскинулась:

— Гудрун!

— Я сказала.

— Но...

— Если после этого он умрёт, виновата будет ведьма. Если вы не сделаете, что сказано, и он умрёт, виноваты будете вы.

Аргумент был мерзкий.

И рабочий.

Женщина побледнела и поднялась.

Я посмотрела на Гудрун. Та даже не повернулась.

— Спасибо.

— Не благодари. Я не тебе помогаю.

— Знаю.

— Хорошо, если знаешь.

Мне позволили подойти к Хальвдану только после того, как Гудрун сама проверила, не мешаю ли я никому у очага. Стражник встал в двух шагах. Тора — с другой стороны лежа. Просто чудесно. Лечебный процесс под наблюдением комиссии по ведьмовству.

Хальвдан спал неглубоко. Когда я коснулась его лба, он чуть нахмурился, но не проснулся.

Жар ниже. Кожа уже не такая сухая. Дыхание тяжёлое, но без ночного свиста. Кашель плохой, грудной, но пока терпимо.

— Воду пил? — спросила я.

Тора молчала.

Гудрун ответила:

— Два раза. Плевался.

— Пусть плюётся. Главное — пьёт.

Я поправила подложенную под плечи ткань.

— Так лучше. Не класть ровно.

— Мы не слепые, — буркнула Тора.

— Я заметила.

На этот раз я удержала язык за зубами и не добавила ничего лишнего.

Хальвдан открыл глаза.

Мутные, сонные. Но узнающие.

— Вара?

В доме снова стало слишком тихо.

Не Лив.

Вара.

Я почувствовала на себе взгляд Эйрика раньше, чем увидела его. Он стоял у входа в дальнюю часть дома. Когда пришёл — не слышала.

Хальвдан попытался подняться.

Я удержала его ладонью.

— Лежать.

— Я лежу.

— Ты пытаешься встать глазами.

Он моргнул. Потом, кажется, понял и чуть улыбнулся.

— Воду, — сказала я.

Гудрун подала чашу. Вода была тёплой. Кипячёной. Я почти растрогалась.

— Маленькими глотками.

Хальвдан поморщился, но пил. Послушно. Серьёзно. Как воин, выполняющий неприятный приказ.

— Молодец, — сказала я.

Он насупился.

— Я не маленький.

— Я помню. Ты страшный северный воин, который умеет открывать засовы.

Гудрун резко посмотрела на меня.

Я осеклась.

Да. Не надо напоминать всем, что наследник вчера сбежал ко мне.

Эйрик подошёл ближе.

— Как он?

— Лучше. Но ему нужен покой. И вода. И меньше дыма.

— Дым в доме всегда, — сказал он.

— Значит, пусть лежит ближе к двери, когда нет сильного холода. Или хотя бы не прямо под дымом.

Тора фыркнула:

— Может, вынесем наследника в снег, раз лекарке дым не нравится?

Я посмотрела на Эйрика, не на неё.

— Я не спорю ради удовольствия. Ему трудно дышать. Дым делает хуже.

Он молчал.

Я уже ждала отказа. Или угрозы. Или привычного “осторожнее, Лив”.

Но Эйрик сказал:

— Гудрун, устроишь.

Гудрун кивнула.

Тора отвернулась так резко, что подвески на её поясе стукнули друг о друга.

По дому снова прошёл шёпот.

Я почувствовала, как меняют направление взгляды. Ещё вчера я была ведьмой у воды. Сегодня ярл приказал кипятить воду и менять место наследнику из-за моих слов.

Не доверие.

Нет.

Но начало опасного вопроса: а если она права?

После осмотра меня вернули в мой угол. Есть дали там же. Не за общим местом, не рядом с женщинами, не у огня. Отдельная деревянная миска с кашей, кусок рыбы и вода.

Миску поставила молодая женщина с веснушками не Аста — другая, светловолосая, круглолицая. Она старалась не касаться моих пальцев.

Я посмотрела на кашу.

Горячая.

Густая.

Настоящая еда.

— Спасибо, — сказала я.

Женщина вздрогнула, будто я прокляла её.

— Мне велели.

— Всё равно спасибо.

Она не ответила и ушла почти бегом.

Я ела медленно. Ложки не было, только деревянная щепка вроде ложки, неудобная и грубая. Каша пахла дымом. Рыба была солёная до слёз. Но после холодной лепёшки и ночи без сна это казалось почти пиром.

Почти.

Потому что сидела я отдельно.

Как заразная.

Как нечистая.

Как та, к кому можно прийти за спасением, но нельзя сесть рядом.

Я смотрела на людей у очага. Женщины пряли, переговаривались, дети дрались за кусок хлеба, старик чинил ремень, воин зевал, прислонившись к стене. Жизнь шла. Неловкая, грубая, дымная.

И в этой жизни мне не было места.

Пока.

Слово появилось само.

Пока.

Я доела кашу и поставила миску рядом.

В этот момент у очага вскрикнули.

Я подняла голову.

Та самая молодая женщина, что приносила мне еду, держала руку прижатой к груди. Между пальцами текла кровь. На полу валялся нож, рядом — рыба, которую она чистила.

Порез был глубокий. Не смертельный, но неприятный.

Кровь шла быстро, тёмная, по ладони к запястью.

Я вскочила.

— Прижмите тканью!

Женщина отшатнулась.

— Не подходи!

— У тебя глубокий порез.

— Не трогай меня!

Я остановилась в двух шагах.

Люди повернулись. Тора тоже. Гудрун прищурилась.

— Дай посмотреть, — сказала я спокойнее. — Нужно промыть и перевязать.

Женщина замотала головой. Глаза у неё были круглые от ужаса.

— Лучше гной, чем ведьмин след.

Слова ударили резко.

Не потому что я не ждала.

А потому что в этот раз я уже знала: если она откажется, рука может воспалиться. Если воспалится — будет боль, жар, гной. Может, потеряет пальцы. Может, умрёт, если инфекция пойдёт дальше.

И все равно она боялась меня больше, чем этого.

Я медленно опустила руки.

В доме снова стало тихо.

А кровь капала на пол между нами.

Тёмная. Горячая. Живая.

И я поняла: Хальвдан был только началом.

Настоящая борьба за этот дом начнётся не у постели наследника.

А вот здесь — у очага, где люди скорее сгниют, чем повесят женщине, которую вчера хотели утопить.

Глава 7. Невидимая грязь

Девушку звали Сольвейг.

Я узнала это не сразу. Сначала она была просто той, кто порезал руку и смотрел на меня так, будто я сама вложила нож ей в ладонь. Потом Гудрун рявкнула:

— Сольвейг, перестань трясти рукой! Кровью весь пол заляёшь.

И имя прилипло.

Сольвейг была молодой, круглолицей, с мягкими светлыми волосами, выбившимися из-под платка. Вчера она принесла мне кашу и старалась не коснуться моих пальцев. Сегодня стояла у очага с зажатой ладонью, бледная, злая от страха и окружённая женщинами, которые наперебой советовали всё сразу.

— Паутины приложить.

— Жиром замазать.

— Пусть Тора траву даст.

— Не пускайте ведьму.

Последнее сказали тихо, но я услышала.

Я стояла в своём углу и смотрела на кровь.

Профессиональная часть меня уже оценила: порез глубокий, но не артерия. Если нормально промыть, прижать, перевязать чистым — жить будет, рука тоже, скорее всего. Если замазать грязью, жиром и страхом — через пару дней нач-

нётся всё самое интересное. Покраснение, отёк, гной, жар. А потом они скажут, что это я сглазила.

Сольвейг заметила мой взгляд и прижала руку ещё сильнее.

— Не смотри!

— От того, что я не смотрю, кровь не остановится.

— Я сказала — не трогай!

— Пока и не трогаю.

Гудрун повернулась ко мне. Лицо у неё было недовольное, но не растерянное. Хорошее качество. Растерянность в таких местах хуже глупости.

— Что бы ты сделала?

Женщины зашумели.

Тора, сидевшая у Хальвдана, подняла голову.

— Не надо спрашивать девку о каждом порезе.

Я медленно вдохнула.

Не сорваться. Не унизить Тору. Не наорать на всех сразу.

Очень сложный день.

— Я бы промыла рану чистой водой, — сказала я. — Прижала тканью. Потом перевязала. И смотрела, чтобы не краснело вокруг.

— Она кровит, — сказала Гудрун.

— Поэтому сначала прижать.

— А трава?

— Потом. Если чистая.

Тора резко поднялась.

— Трава не бывает грязной, если её знают руки.

Я посмотрела на её пальцы. Сухие, узловатые, с тёмными пятнами от трав и дыма. Руки человека, который действительно много работал. Много спасал. И, возможно, много ошибался.

— Грязь бывает невидимой, — сказала я.

Вот это было зря.

Сразу.

Потому что дом замолчал так, будто я только что призналась в связи с подземными духами.

Сольвейг побледнела ещё сильнее.

— Невидимой?

— Очень маленькой.

— Силой? — спросила кто-то из женщин.

— Нет.

— Духом?

— Нет.

— Порчей?

— Да нет же!

Я провела рукой по лицу.

Терпение. Господи, дай терпение. Или топор, но лучше терпение.

— Смотрите. Если ножом резали рыбу, на нём остаётся...

— я поискала слово, — гниль. Слизь. То, что глаз не всегда видит. Если это попадёт в рану, мясо может начать гнить.

Кто-то сдавленно охнул.

Тора прищурилась.

— Мясо гниёт, когда в нём сидит дурная кровь.

— Иногда дурная кровь появляется после грязного ножа.

— Ты называешь старое знание ложью?

— Я называю грязный нож грязным ножом.

Гудрун резко стукнула ключами по поясу.

— Хватит. Сольвейг, покажи руку Торе.

Сольвейг с облегчением повернулась к старой знахарке.

Вот и всё.

Я могла бы отступить. Сказать себе: не моя проблема. Она отказалась. Я предупредила. Свободный выбор, историческая эпоха, культурный контекст, всё такое.

Только я уже знала, как это бывает.

Сначала человек отказывается.

Потом становится хуже.

Потом родственники плачут и спрашивают, почему никто не настоял.

В моём мире тоже так было. Просто вместо Торы — соседка с советами из интернета. Вместо паутины — компресс с водкой. Вместо богов — “а моей бабушке помогало”.

Сольвейг тем временем села у очага. Тора развязала её ладонь, осмотрела порез и полезла в свой мешочек.

Я увидела, как она достала тёмную жирную мазь.

— Нет, — сказала я.

Очень тихо.

Но Гудрун слышала.

— Что?

— Если она сейчас замажет рану жиром, не промыв, будет хуже.

Тора даже не повернулась.

— Замолчи, девка.

Сольвейг всхлипнула.

Я шагнула вперёд. Стражник тут же сдвинулся, но не схватил. Уже прогресс.

— Гудрун, вы сами видели Хальвдана. Вы видели, что вода и чистая ткань помогли.

— Это был жар.

— Это тоже рана. Только меньше.

— Рана не дышит.

— Рана гниёт.

Гудрун смотрела на Сольвейг. На кровь. На Тору. На меня.

Дом ждал её решения.

И я вдруг поняла, насколько здесь всё держится не только на Эйрике. Мужчины могли решать на тинге, кого казнить. Но сейчас, у очага, решала Гудрун. Чья рука, чьё знание, чей порядок войдёт в быт.

Наконец она сказала:

— Воду.

Тора медленно повернулась.

— Ты отдаёшь её руку ведьме?

— Я отдаю её руку той, кто ночью удержала дыхание Халь-

вдана.

— А если рука сгниёт после её касания?

— Тогда я сама отведу её к воде.

Спасибо, конечно.

Сольвейг заплакала.

— Гудрун...

— Молчи и сиди. Ты мне ещё нужна с двумя руками.

Эта женщина умела утешать примерно как камень. Но странным образом работало.

Мне принесли воду. На этот раз я заставила поставить её на огонь. Ждать, пока закипит, было пыткой. Кровь уже почти остановилась сама, но края раны расходились неприятно. Сольвейг смотрела на меня так, будто я собираюсь отрезать ей кисть.

Я села перед ней на корточки.

— Будет больно.

Она вздрогнула.

— Зачем говоришь?

— Чтобы ты знала.

— Тора поёт, когда лечит.

— Я не умею петь.

— Ведьмы умеют.

— Значит, я плохая ведьма.

Сольвейг всхлипнула и вдруг коротко, нервно фыркнула. Сама испугалась этого звука.

Я взяла чистую ткань, насколько она могла быть чистой в

этом доме, и вымыла руки в горячей воде. Люди зашептались сильнее.

Да, смотрите. Великая магия будущего: помыть руки перед раной.

— Держи её, — сказала я Гудрун.

— Я сама, — огрызнулась Сольвейг.

— Нет. Ты дёрнешься.

Гудрун встала за её спиной и положила тяжёлую ладонь ей на плечо.

Тора стояла рядом, мрачная, как зимний курган.

— Если испортишь руку, — сказала она мне, — я скажу первой.

— Не сомневаюсь.

Я промыла рану.

Сольвейг закричала.

Дом вздрогнул. Кто-то выругался. Кто-то зашептал молитву. Гудрун удержала девушку на месте, а я продолжала, хотя внутри всё сжималось от её боли.

— Дыши, — сказала я. — Смотри на меня. Не на руку. На меня.

— Больно!

— Знаю.

— Ты режешь!

— Нет. Вымываю.

— Зачем?!

— Чтобы рука осталась рукой.

Она пыталась вырваться. Гудрун держала. Я видела, как Тора напряглась, словно готова оттолкнуть меня в любой момент.

— Сольвейг, — сказала я резче. — Слушай. Если я хотела бы навредить, я бы отошла и дала твоей руке гнить. Поняла?

Она всхлипнула, но перестала дёргаться.

— Вот так. Ещё немного.

Рана была хуже, чем показалось сначала. Не смертельно, но глубоко. Шить нечем — точнее, можно было бы, но не здесь, не сейчас, не при толпе, которая сочтёт иглу заклятием. Я прижала края, положила чистую ткань, туго перевязала.

— Пальцами пошевели.

— Что?

— Пальцами.

Она пошевелила. С трудом, но все пальцы слушались.

— Хорошо.

— Всё?

— Пока да.

— Пока?

Я подняла на неё взгляд.

— Если покраснеет вокруг, если станет горячо, если пойдёт гной или поднимется жар — сразу ко мне. Не ждать, не мазать чем попало, не петь над рукой три дня.

Тора щёлкнула языком.

— Ты не удержалась.

— Почти удержалась.

Сольвейг осторожно посмотрела на перевязанную ладонь. Слезы всё ещё текли по щекам, но в лице уже появилось нечто кроме ужаса.

— Она... не отвалится?

Кто-то из детей за лавкой прыснул.

Гудрун повернула голову, и ребёнок тут же спрятался.

— Если будешь слушать — нет, — сказала я.

— А если нет?

— Тогда Тора скажет, что я предупреждала плохо.

Сольвейг снова издала тот странный нервный смешок и тут же зажала рот здоровой рукой.

Тора смотрела на меня долго. Не с благодарностью. Конечно, нет. Но и не с прежним презрением.

— Рану надо вытягивать, — сказала она наконец.

— Потом. Если будет нужно. И только чистым.

— Ты любишь это слово.

— Оно спасает людей.

— Людей спасают боги.

— Тогда пусть боги не обижаются, если мы им немного поможем.

Тишина.

Гудрун закрыла глаза на одно мгновение.

— Ты не умеешь молчать, да?

— Учусь.

— Плохо.

Я опустила взгляд.

И тут заметила у входа Эйрика.

Он стоял в тени, как обычно появляясь так тихо, будто его приносил сам дым. Не знаю, сколько он видел. Может, только конец. Может, всё с самого крика.

Его взгляд скользнул по Сольвейг, по перевязке, по миске с водой, по моим мокрым рукам.

— Она будет жить? — спросил он.

Сольвейг испуганно выпрямилась.

Я не сразу поняла, что вопрос адресован мне.

— От пореза обычно живут.

— Обычно?

— Я не люблю обещать.

На лице Эйрика ничего не изменилось, но мне показалось, что он запомнил. Как запоминал всё.

— Гудрун.

— Да, ярл?

— Дать ей чистую ткань, если попросит для раненых.

По дому прошёл шёпот.

У меня внутри что-то осторожно дрогнуло.

Чистая ткань — это не свобода. Не доверие. Не признание.

Но это ресурс.

А ресурс в этом доме значил больше, чем доброе слово.

Гудрун кивнула.

— Дам, если не станет тратить на глупости.

— На глупости — это на людей? — не удержалась я.

Гудрун посмотрела так, что я сразу поняла: учусь молчать действительно плохо.

Эйрик тоже посмотрел.

— Ты быстро тратишь чужое терпение, Вара.

Имя.

Он сказал Вара.

Не Лив.

Слишком тихо. Без тепла. Но сказал.

Я застыла на вдохе.

Он уже отвернулся к Хальвдану. Мальчик проснулся от шума и смотрел на нас с ложа. Бледный, но живой. При виде меня он чуть поднял руку, совсем маленькое движение.

Я не помахала в ответ. Не при всех.

Просто кивнула.

Он понял.

К вечеру рана Сольвейг не распухла. Это ещё ничего не доказывало, но она уже перестала смотреть на перевязку как на проклятие. Когда я подошла проверить ткань, она не отёрнула руку сразу.

Только спросила:

— Ты снова будешь мыть?

— Да.

— Больно будет?

— Меньше.

— Ты всегда говоришь правду?

Я задумалась.

— Когда это полезно.

— А когда не полезно?

— Тогда стараюсь молчать. Получается плохо.

Сольвейг хмыкнула. Тихо. Почти по-дружески, но нет. До дружбы было далеко. Просто страх на миг стал тоньше.

Я сменила повязку. Рана выглядела терпимо. Края чистые. Крови немного. Я специально работала медленно, чтобы женщины видели: никакой магии. Вода. Ткань. Руки. Терпение.

В этом и была проблема.

Магию боятся, но она хотя бы понятна: ведьма, духи, проклятие.

А чистые руки пугали иначе.

Они заставляли спросить: если так просто, почему раньше умирали?

Ночью мне впервые дали место чуть ближе к очагу. Не у самого огня. Не среди женщин. Но уже не в самом холодном углу.

Сольвейг сидела рядом с другими, перевязанную руку держала на коленях. Иногда поглядывала на меня. Тора сушила травы и делала вид, что меня не существует. Гудрун считала мешки с зерном. Хальвдан спал.

Я почти позволила себе выдохнуть.

Почти.

Потому что дверь открылась, и вошёл Хравн.

Дом сразу изменился. Разговоры стали тише. Кто-то опустил глаза. Даже огонь будто начал гореть ровнее, осторожнее.

Хравн прошёл к очагу. Его тёмный плащ был мокрым от тумана, костяные подвески тихо постукивали. Он посмотрел на Хальвдана, потом на Сольвейгину руку, потом на меня.

Улыбнулся едва заметно.

— Слышу, сегодня в доме снова случилось исцеление.

Никто не ответил.

— Боги щедры, когда хотят испытать людей.

Я молчала.

Гудрун тоже.

Хравн повернулся к Эйрику, который сидел в дальнем конце дома рядом с Бьёрном и двумя воинами.

— Ярл, женщина, которую вода ещё не проверила, уже касается твоего сына, твоих женщин и крови твоего дома.

Эйрик поднял взгляд.

— Говори прямо.

Хравн сложил руки перед собой.

— Если она останется здесь, люди должны знать, кого ты привёл под крышу. Лекарку, через которую боги дают жизнь. Или ведьму, которой они позволяют собирать долги.

В доме никто не двигался.

— На тинге, — продолжил Хравн мягко, — следует спросить волю богов. Пока страх не стал сильнее твоей власти.

Вот она.

Цена маленькой победы.

Я спасла одну руку — и получила тинг.

Эйрик молчал.

Гудрун сжала ключи на поясе.

Тора не смотрела на меня.

А я сидела у почти тёплого очага и вдруг очень ясно поняла: чем больше людей я буду спасать, тем быстрее меня снова поведут к воде.

Глава 8. Брат с улыбкой

Наутро Сольвейг сама протянула мне руку.

Неохотно. С таким лицом, будто протягивает не ладонь, а собственную душу на проверку. Но сама.

Для Волчьего дома это, кажется, было почти чудом.

Я сидела на низкой лавке у стены, передо мной стояла миска с тёплой водой, рядом лежала чистая ткань, которую Гудрун выдала так, будто отрывала кусок от собственного сердца. Сольвейг села напротив и положила перевязанную руку на колени.

Женщины у очага делали вид, что не смотрят.

Смотрели все.

Даже дети.

Тора стояла у связок трав и резала какие-то сухие стебли коротким ножом. Резала слишком медленно. Тоже слушала.

— Болит? — спросила я.

Сольвейг поджала губы.

— Меньше.

— Пальцами пошевели.

Она пошевелила. Уже увереннее.

— Хорошо.

— Это значит, не сгниёт?

— Это значит, пока выглядит хорошо.

— Ты никогда не говоришь просто.

— Потому что просто обычно врут.

Сольвейг посмотрела на меня странно. Будто хотела обидеться, но не нашла за что. Потом всё-таки буркнула:

— Тора говорит, твоя вода вымывает не только грязь, но и силу.

— А ты как думаешь?

— Думаю, рука у меня пока на месте.

От очага кто-то тихо фыркнул. Не насмешливо. Скорее удивлённо.

Я осторожно сняла старую повязку. Рана выглядела лучше, чем могла бы. Края не расползлись, краснота умеренная, гноя нет. Для нормальной клиники — ничего особенного. Для этого дома — маленькая победа над привычкой замазывать всё жиром и надеждой.

— Ещё промою. Терпеть сможешь?

Сольвейг подняла подбородок.

— Я не Хальвдан, чтобы меня держали.

— Хальвдан держался лучше половины взрослых мужчин, которых я видела.

Она моргнула.

— Ты видела много мужчин?

— Больше, чем хотела. Обычно в крови, грязи и с уверенным, что “само пройдёт”.

Сольвейг явно не всё поняла, но общий смысл уловила и осторожно хмыкнула.

Я промыла рану. Она поморщилась, но не вскрикнула.

Женщины у очага зашептались тише. Для них это тоже было доказательством: боль есть, но терпимая; рана не темнеет; девушка не падает замертво от моего прикосновения.

Неплохое утро для ведьмы.

Если забыть, что Хравн вчера фактически потребовал вывести меня на тинг.

Если забыть, что кто-то в этом доме хотел ослабить Хальвдана.

Если забыть, что за моим собственным запястьем всё ещё следил стражник.

Я закончила перевязку.

— Менять вечером. И не мочить в грязной воде.

Сольвейг кивнула. Потом вдруг быстро сказала:

— Я не хотела... вчера.

— Что?

— Про ведьмин след.

Я посмотрела на неё.

Ей явно было стыдно. От этого она злилась ещё больше.

— Хотела, — сказала я. — Просто теперь, возможно, хочешь меньше.

Она насупилась.

— Ты неприятная.

— Зато рука целая.

Сольвейг снова фыркнула, поднялась и ушла к очагу, прижимая перевязанную ладонь к груди уже не как проклятие, а как важную вещь.

Гудрун прошла мимо меня с корзиной.

— Не зазнавайся.

— Я даже не успела.

— Успела глазами.

— У меня выразительные глаза.

Гудрун остановилась, посмотрела на меня так, что я снова вспомнила: эта женщина могла командовать домом лучше, чем многие армией.

— Глаза держи при себе. Сегодня будут люди.

— Какие люди?

— Мужчины ярла. Те, кто не был в доме, когда ты колдовала над мальчиком.

— Лечила.

— Им всё равно, как ты это зовёшь.

Она ушла, звякнув ключами.

Я посмотрела на Хальвдана.

Мальчик лежал ближе к двери, как я и просила. Не на сквозняке, но дальше от густого дыма. Спал. Жар, кажется, уже не поднимался так страшно, но слабость держала его крепко. Иногда он кашлял во сне, и каждый такой кашель отдавался у меня где-то под рёбрами.

Я всё ещё не сказала Эйрику о ночных голосах.

И каждый раз, когда смотрела на Хальвдана, эта тишина становилась тяжелее.

Но сказать без доказательств — значит подставить себя.

А если подозревать всех, нужно сначала понять, кто здесь

кому брат, кто кому враг, кто кому улыбается перед тем, как сунуть нож под ребро.

Как оказалось, ждать долго не пришлось.

Ближе к полудню дом наполнился мужскими голосами.

Сначала с улицы донёсся смех. Не такой, как у воинов Эйрика — короткий, грубый, будто смех тоже должен быть дозирован. Этот был лёгкий, широкий, заразительный. Потом распахнулась дверь, в дом ворвался холод, запах мокрой кожи и свежего снега, и вошли несколько мужчин.

Впереди шёл тот, кто смеялся.

Светловолосый, высокий, но не такой тяжёлый, как Эйрик. Двигался свободнее, легче. На плечах мех, на поясе нож, в волосах капли тумана. Лицо открытое, живое, с улыбкой, от которой у женщин у очага сразу изменились глаза. Кто-то улыбнулся в ответ. Кто-то опустил взгляд, но не от страха.

Так улыбаются людям, которых ждут.

Он остановился у очага, скинул перчатки и обвёл дом взглядом.

Когда увидел меня, улыбка не исчезла.

Просто стала внимательнее.

— Так вот она какая, — сказал он.

Голоса стихли.

Я осталась сидеть на лавке, хотя все вокруг будто ждали, что я встану.

Не встала.

— Зависит от того, кого вы искали, — ответила я.

Улыбка стала шире.

— Ведьму, которая вытащила моего племянника из рук Хель.

По дому прошёл шёпот.

Племянника.

Значит, брат Эйрика.

Асгейр.

Имя всплыло в памяти вместе с рассказом Асты: брат яр-ла, улыбчивый, опасный, тот, кому выгодна слабость Хальв-дана.

И вместе с ночным голосом:

“Мальчишка должен был ослабнуть, а не выжить”.

Я не знала, был ли это он.

Но его голос сейчас был слишком приятным, чтобы ему сразу верить.

— Я не вытаскивала его из рук Хель, — сказала я. — Я заставила его пить воду и убрала меха.

Один из мужчин за его спиной рассмеялся.

Асгейр тоже.

— Слышали? Вода победила смерть. Надо будет сказать Хравну, он расстроится.

Тора резко подняла глаза.

Гудрун застыла у полки с чашами.

В доме стало опасно тихо. Шутить над Хравном, видимо, можно было не всем и не всегда.

Асгейр будто не заметил.

Он подошёл ближе. Стражник у моего угла напрягся, но не остановил его.

— Асгейр Ульвссон, — представился он, чуть склонив голову. — Младший брат сурового камня, который правит этим домом.

— Он знает, что вы так его называете?

— Конечно. Поэтому я пока жив.

Несколько воинов улыбнулись.

Я — нет.

Асгейр посмотрел на моё запястье. На верёвку. На следы. Улыбка стала мягче.

— Тебя всё ещё держат связанной?

— Нет, что вы. Это местное украшение.

Он коротко усмехнулся.

— Острый язык для женщины, которую вчера вели к воде.

— Говорят, перед смертью характер портится.

— А после?

— Пока проверяю.

Он сел на лавку напротив так легко, будто имел право сидеть где угодно. И, судя по тому, что никто не возразил, право у него было.

Гудрун подошла ближе.

— Асгейр.

— Гудрун. Ты всё так же смотришь, будто я украл твой лучший нож.

— Ты его украл. Три зимы назад.

— Я вернул.

— Сломанным.

— Но с историей.

Женщины у очага снова тихо засмеялись. Даже Сольвейг.

Вот так.

Эйрик входил — и разговоры умирали. Асгейр входил — и люди начинали дышать свободнее.

Я отметила это. И убрала поглубже.

Такие вещи важны.

Асгейр протянул руку, и один из его людей подал ему маленькую чашу.

— Мёд, — сказал он. — Для лекарки. Или ведьмы. Пока дом не решил.

Гудрун нахмурилась.

— Ей не положено.

— Тогда скажи, что это лекарство.

— От чего?

Асгейр посмотрел на меня.

— От плохого настроения.

— Оно у меня хроническое, — сказала я.

— Тогда пить придётся много.

Он протянул чашу.

Я не взяла.

Его бровь чуть поднялась.

— Боишься?

— Подарки здесь что-то значат, да?

Теперь он улыбнулся уже иначе.

Быстрее. Тоньше.

— Тебя успели научить.

— Я быстро учусь, когда меня пытаются утопить, связать или накормить подозрительным мёдом.

— Подозрительным?

— В этом доме даже вода требует проверки.

Асгейр рассмеялся. Громко, искренне на вид. Но глаза оставались внимательными.

— Брату будет нелегко с тобой.

— Ваш брат пока не входит в список моих забот.

— А кто входит?

Я посмотрела на Хальвдана.

Асгейр тоже посмотрел.

На мгновение его лицо стало почти нежным. Очень убедительно.

Слишком убедительно.

— Он упрямый мальчишка, — сказал Асгейр тише. — Весь в отца. Только улыбается реже, чем должен.

— У него жар третий день. Ему не до улыбок.

— А тебе?

— Мне вчера обещали воду вместо могилы. Я тоже пока не в настроении.

— Да, — сказал он. — Хравн умеет портить людям утро.

Имя годи прозвучало легко. Почти насмешливо.

— Вы его не боитесь?

— Боюсь, конечно.

— Не похоже.

— Я просто не позволяю страху носить моё лицо.

Красивая фраза.

Опасная.

Потому что с такой фразой легко поверить, что человек умнее остальных.

Он снова протянул чашу.

— Не подарок. Просто мёд. Поставлю здесь. Захочешь — выпьешь. Не захочешь — Гудрун потом скажет, что я перевожу добро на упрямых женщин.

Он поставил чашу на лавку между нами.

Я не притронулась.

— Ты правда не Лив? — спросил он вдруг.

Вопрос был сказан мягко. Не как обвинение. Не как у Эйрика. Скорее как будто он уже готов мне поверить, если я скажу хоть что-то убедительное.

От этого захотелось ответить.

Именно поэтому я не ответила сразу.

— А если нет?

— Тогда мне интересно, кто ты.

— А если да?

— Тогда мне интересно, почему ты изменилась.

Я посмотрела на него внимательнее.

— Вы знали Лив?

— Все знали Лив. Дом полон людей, которые “знали” её, но никто, кажется, не слушал.

У меня по спине прошёл холод.

— А вы слушали?

Асгейр опустил взгляд на чашу с мёдом.

— Я был не тем человеком, которому она доверяла.

Ответ вроде бы прямой.

И ничего не сказал.

— Она была ведьмой? — спросила я.

— Ты спрашиваешь меня о себе?

— Я спрашиваю о Лив.

Он откинулся чуть назад.

— Лив была тихой. Слишком тихой для ведьмы. Ведьмы любят, чтобы их боялись. Она, кажется, больше боялась сама.

В груди кольнуло.

Чужая девушка. Чужое тело. Чужой страх.

— Тогда почему её повели к воде?

— Потому что когда дому страшно, он ищет того, кого легче всего бросить в море.

Я замерла.

Эта фраза была слишком похожа на правду.

Асгейр наклонился ближе.

— И потому что мой брат иногда выбирает порядок быстрее милости.

— Ваш брат вчера привёл меня к своему сыну.

— Потому что сын умирал.

— А вы бы что сделали?

Он улыбнулся.

— Я? Развязал бы тебе обе руки.

— Щедро.

— Практично. Если уж доверять ведьме жизнь ребёнка, глупо оставлять ей одну руку.

Я ничего не ответила.

Он нравился людям — это понятно.

Хуже: он говорил вещи, которые хотелось услышать.

Что Эйрик был жесток.

Что меня бросили бы в море из страха.

Что связанная лекарка — глупость.

Что Лив боялась.

И всё это могло быть правдой.

Правда — лучший яд. Её не чувствуешь сразу.

Гудрун снова подошла ближе.

— Ты долго будешь занимать ей уши?

— Она пленница, Гудрун. У пленниц обычно много свободного времени.

— Эта пленница должна смотреть руку Сольвейг и мальчика.

— А я как раз хотел спросить о мальчике.

Он повернулся ко мне.

— Хальвдан поправится?

Я посмотрела ему в глаза.

— Если ему не помешают.

Пауза.

Очень маленькая.

Но она была.

— Кто же станет мешать ребёнку жить? — спросил Асгейр.

Голос не изменился. Улыбка тоже.

А у меня в голове снова прозвучало:

“Мальчишка должен был ослабнуть, а не выжить”.

Я пожала плечом.

— Вчера половина дома мешала. Мехами, дымом, отварами и советами. Выбирайте любого.

Он рассмеялся первым. Легко, будто я сказала удачную шутку.

Но больше не наклонялся ко мне так близко.

В этот момент в дом вошёл Эйрик.

И всё снова изменилось.

Не сразу громко. Никто не вскочил. Никто не закашлялся от страха. Но разговоры упали. Плечи выпрямились. Гудрун перестала двигаться. Даже Сольвейг спрятала перевязанную руку под край платка, как школьница, пойманная на шалости.

Эйрик увидел Асгейра рядом со мной.

Потом чашу мёда на лавке.

Потом мою нетронутую руку.

— Брат, — сказал Асгейр радостно. — Твоя лекарка умна.

Подарков не берёт, пьёт только воду и говорит так, будто уже судила половину дома.

— Она не моя лекарка.

— Тогда чья?

Вопрос повис.

Грубый. Слишком прямой. С улыбкой, конечно, но от этого не менее острый.

Эйрик подошёл ближе.

— Что ты хотел?

— Увидеть женщину, из-за которой Хравн ходит по дому, как мокрый ворон.

— Увидел.

— И поговорить с ней.

— Поговорил.

Асгейр поднял руки.

— Не рычи. Я не украл её.

— Попробуй.

Слова были тихие.

Но дом услышал.

Я тоже.

И мне это не понравилось.

Не потому что прозвучало угрожающе. А потому что я была не нож, не конь и не мешок серебра, чтобы меня крали или не крали.

Асгейр улыбнулся мягче.

— Видишь? — сказал он мне. — Брат защищает всё, что

считает своим.

Эйрик посмотрел на него.

— Уходи.

Асгейр встал. Взял чашу мёда, которую я так и не тронула, и сделал глоток сам.

— Не отравлено, если ты боялась этого.

— Я боялась не только этого, — сказала я.

Он усмехнулся.

— Правильно.

Проходя мимо, он наклонился ко мне чуть ближе, будто хотел поправить край лавки или поднять что-то с пола.

И сказал почти беззвучно:

— Если когда-нибудь решишь, что брат не даст тебе свободы, помни: в каждом доме есть больше одной двери.

Я не успела ответить.

Он уже выпрямился, улыбнулся Гудрун, хлопнул одного из воинов по плечу и вышел так легко, будто унёс с собой половину дыма и тяжести.

Эйрик смотрел ему вслед.

Потом повернулся ко мне.

— Не бери у него ничего.

— Я и не взяла.

— Никогда.

— У вас тут все дают советы вместо объяснений?

— Асгейр не даёт подарков просто так.

— В отличие от вас?

Он прищурился.

Я подняла связанную руку.

— От вас я пока получила верёвку, угрозы и угол у стены.

Тоже, наверное, с глубоким смыслом.

Гудрун где-то за моей спиной тихо выдохнула. Не то чтобы смех. Скорее предупреждение.

Эйрик подошёл ближе. Я заставила себя не отступать.

— Ты не понимаешь, с кем говоришь.

— С человеком, который сначала хотел меня утопить, потом оставил в живых, потому что я нужна его сыну, а теперь запрещает мне пить мёд от собственного брата. Поправьте, если упустила важное.

Он долго молчал.

Потом сказал:

— Упустила.

— Что?

— Мой брат улыбается, когда выбирает место для удара.

И ушёл к Хальвдану.

Я осталась сидеть на лавке, чувствуя, как холод медленно ползёт по позвоночнику.

За спиной тихо появилась Аста. Я даже не услышала, как она подошла. В руках у неё была корзина с тканями.

Она наклонилась, будто поправляла край моей шкуры, и прошептала:

— Не верь Асгейру.

Я не повернула головы.

— Почему?

Аста разложила ткань рядом.

— Если Асгейр улыбается, кто-то потом плачет.

Она ушла так же тихо, как появилась.

Я посмотрела на Хальвдана.

На Эйрика рядом с ним.

На дверь, за которой исчез его брат.

И впервые подумала: в этом доме опасность не всегда приходит с ножом.

Иногда она приносит мёд.

Глава 9. Песня о ведьме

К вечеру я поняла простую вещь: в Волчьем доме можно было быть незаметной только мёртвой.

И то, наверное, ненадолго. Здесь даже о мёртвых говорили так, будто те сидели у соседней стены и могли обидеться.

Меня не вывели к ужину. Меня привели.

Разница огромная.

Стражник встал за плечом. Гудрун шла впереди, звеня ключами. На запястье у меня всё ещё была верёвка, хотя конец теперь никто не держал. Просто висела, как напоминание: не свободная, не своя, не забывай.

Большой дом к вечеру изменился.

Днём он был рабочим: дым, голоса, дети, рыба, вода, ткань, кашель Хальвдана. А вечером стал похож на зверя, который лёг у огня и раскрыл пасть. Очаг горел ярче. На лавках сидели мужчины с чашами. Женщины носили еду. Дети жались ближе к матерям. В воздухе стоял густой запах полёбки, пива, мокрой шерсти и жареной рыбы.

Разговоры шли громче обычного.

Но когда вошла я, они стали ниже.

Не стихли. Нет. Просто изменили тон.

Словно люди решили говорить так, чтобы я слышала ровно столько, сколько нужно.

— Сядешь здесь, — сказала Гудрун.

“Здесь” оказалось место не у очага и не среди женщин. Низкая лавка сбоку, между мешками с зерном и стеной. Почти рядом с людьми, но не вместе с ними. Почти в доме, но всё ещё как вещь, которую поставили под присмотр.

— Очень почётно, — сказала я.

Гудрун наклонилась ко мне.

— Сегодня лучше молчать.

— У меня с этим сложно.

— Я заметила. Поэтому говорю заранее.

Она ушла, не дожидаясь ответа.

Я села. Передо мной поставили деревянную миску с похлёбкой и кусок хлеба. Посуду опять дали отдельную. Уже не грязную, но отдельную.

Я взяла хлеб.

Пальцы пахли дымом, водой и травами. Чужие руки. Руки Лив. Руки, которыми я уже успела вытащить ребёнка из жара, промыть порез, разозлить Тору, насторожить Эйрика и заинтересовать Асгейра.

Неплохой список для женщины, которую вчера должны были утопить.

Хальвдана за столом не было. Он спал в дальнем углу, ближе к двери, как я и просила. У него всё ещё держался кашель, но жар падал. Я проверяла его днём трижды. Тора ворчала, Гудрун считала это лишним, Эйрик молчал.

Молчание Эйрика было отдельным видом погоды в этом доме.

Сейчас он сидел на почётном месте у дальнего конца очага. Слева от него — Бьёрн, большой воин со сломанным носом и рукой, которая плохо сгибалась. Справа пустовало место, куда позже лениво опустился Асгейр.

Он вошёл почти последним.

Конечно.

Такие люди умеют появляться, когда на них уже ждут.

— Брат, — сказал он Эйрику. — Дом сегодня веселее, чем вчера. Значит, мальчик действительно идёт на поправку.

— Он спит, — ответил Эйрик.

— Сон — лучше, чем погребальный плач.

Несколько мужчин одобрительно загудели. Я сжала ложку.

Асгейр посмотрел на меня через огонь. Улыбнулся. Небольшая улыбка. Почти дружелюбная.

Я не ответила.

После его мёда мне не хотелось принимать от него даже улыбки.

— Кетиль! — вдруг позвал Асгейр, не отводя от меня взгляда. — Ты сегодня слишком тих. Или старость наконец победила твой язык?

У очага зашевелился сухой старик.

Я заметила его ещё днём: длинные пальцы, седые волосы, хитрые глаза. Он сидел так, будто спал. Теперь оказалось — слушал.

— Мой язык переживёт твою самоуверенность, мальчик,

— сказал старик.

Мужчины рассмеялись.

Асгейр поднял чашу.

— Тогда пусть он поработает. Дом заслужил песню. У нас ведь редкое чудо: женщина вышла из воды, но вода её не взяла.

Я почувствовала, как у меня холодеет живот.

Не от страха даже.

От понимания.

Гудрун, проходя мимо, бросила на меня короткий взгляд: молчи.

Тора сидела у Хальвдана и не смотрела в мою сторону. Хравн стоял в тени у стены. Его тёмный плащ почти сливался с закопчёнными брёвнами.

Кетиль почесал подбородок.

— Песня о живой ведьме опасна. Живые любят поправлять.

— Значит, будет веселее, — сказал Асгейр.

Дом зашумел.

Кетиль взял маленькую арфу или что-то похожее — грубый инструмент с натянутыми струнами. Провёл пальцами. Звук вышел тонкий, дрожащий, неожиданно чистый среди дыма и голосов.

Он начал не сразу.

Сначала посмотрел на меня.

И мне показалось, что старик спрашивает разрешения.

Но потом я поняла: нет. Он проверял, выдержу ли.
Голос у него оказался низкий, хриплый, цепкий:
— У чёрной воды, где камни острые,

Стояла девка с глазами зимы.

Сказала воде: “Не бери меня, мать,

Мне надо ещё чужих детей забирать...”

По дому прошёл смех.

Не громкий. Осторожный. Люди смотрели на меня и сме-
ялись так, будто проверяли, можно ли.

Я опустила ложку.

Кетиль продолжал:

— Её повели, а она не пошла,

Верёвку грызла, как злая лиса.

Но крик прибежал из Волчьего дома:

“Наследник горит, и смерть у порога!”

Теперь смех стал шире. Кто-то хлопнул ладонью по столу.
Женщина у очага перекрестилась бы, если бы знала такой
жест, но вместо этого коснулась амулета на груди.

Я сидела неподвижно.

Горло сжало.

Не потому что песня была такой уж жестокой. Нет. Она была почти шутиливой. В ней даже можно было услышать благодарность, если сильно постараться и предварительно удариться головой.

Но я поняла, что происходит.

Если я промолчу, эта песня останется.

Сегодня — смешная ведьма, которую вода не взяла. Завтра — ведьма, которая держит дыхание ребёнка в кулаке. Через неделю — та, что спасает только потому, что сначала высылаёт беду.

Истории в этом мире были не развлечением.

Они были приговором, который легче запомнить.

Кетиль дошёл до строки:

— И взяла она жар, и спрятала в рот,

А мальчик дышал, пока ведьма поёт...

— Я не пела, — сказала я.

Струны смолкли.

Смех тоже.

Гудрун закрыла глаза.

Асгейр улыбнулся.

— Вот видишь, Кетиль. Я говорил: живые любят поправлять.

Старый скальд склонил голову.

— Тогда поправь, лекарка. Как было?

Лекарка.

Не ведьма.

Но сказано было так, что весь дом ждал: что я выберу?

Если начну оправдываться — буду слабой. Если промолчу — песня станет сильнее меня. Если сорвусь — Хравн получит ещё один знак моей “тёмной природы”.

Я медленно подняла взгляд на Кетиля.

— Вода меня не отпустила. Ваш ярл передумал раньше.

Небольшой шум.

Эйрик не двигался.

Я продолжила:

— Жар я никуда не прятала. Я сняла с мальчика лишние меха, дала ему воду и заставила ваш дом открыть дверь, чтобы он не задохнулся в дыму.

Кто-то хмыкнул. Кто-то шепнул: “Слышали?”

Кетиль провёл пальцем по струне.

— Не очень похоже на песню.

— Зато больше похоже на правду.

Асгейр откинулся на лавке.

— А в твоей земле, Вара, ведьмы тоже портят хорошие песни правдой?

Я посмотрела на него.

В доме снова стало тихо.

Вот она. Провокация. Мягкая, красивая, с улыбкой. Удар не ножом — вопросом.

— В моей земле ведьм не топят, — сказала я.

Хравн чуть повернул голову.

Асгейр поднял брови.

— Нет? А что с ними делают?

Я знала, что надо остановиться.

Серьёзно. Знала.

Гудрун почти прожигала мне висок взглядом.

Но внутри поднялось что-то старое. Не только злость. Память о холодной воде у ног, о верёвке, о людях, которые смотрели, как меня ведут умирать, и считали это порядком.

— В моей земле ведьм больше не топят, — сказала я громче. — Там судят тех, кто топит.

Теперь замолчали все.

Даже огонь треснул слишком громко.

Улыбка Асгейра стала тоньше.

Эйрик медленно поставил чашу на стол.

— Довольно.

Одно слово.

Но запоздалое.

Я уже сказала.

И все уже услышали.

Хравн вышел из тени.

— Чужая земля, где судят тех, кто очищает скверну, должна быть бедной землёй.

— Иногда она просто устала от мёртвых женщин, — ответила я.

Гудрун тихо выругалась.

Эйрик поднялся.

Разговоры не стихли — они исчезли.

— Хравн, — сказал он.

Тот повернулся к нему с мягким спокойствием.

— Я лишь слушаю, ярл. Женщина без рода говорит твоим людям, что их закон — преступление. Разве не важно узнать, сколько ещё чужой правды она принесла в твой дом?

— Она спасла моего сына.

— И теперь говорит выше свободных мужчин.

Я сжала край лавки.

Вот оно.

Не важно, что я сделала. Важно, где сидела, кем была, как говорила, кому посмела ответить.

Эйрик посмотрел на меня.

Не сердито. Хуже.

Предупреждающе.

— Вара.

Имя ударило неожиданно. Не Лив. Вара.

Но в его голосе не было защиты. Только приказ остановиться.

Я встала.

Стражник у стены напрягся.

— Сядь, — сказал Эйрик.

Я посмотрела на него через огонь.

— Я не вещь, которую можно поставить у стены, пока обо мне поют.

Асгейр едва заметно улыбнулся. Не мне — происходяще-

му.

Хравн сделал шаг ближе к огню.

— Вещь молчит. Ведьма отвечает. Лекарка, как ты зовёшь себя, должна знать меру между ними.

— А вы кто? — спросила я. — Тот, кто эту меру продаёт от имени богов?

Теперь уже кто-то ахнул вслух.

Эйрик резко повернулся ко мне:

— Хватит.

На этот раз я замолчала.

Не потому что испугалась его. Хотя испугалась тоже.

А потому что увидела Хальвдана.

Он проснулся.

Лежал в дальнем углу, бледный, с широко открытыми глазами. Смотрел на меня. На отца. На Хравна. На людей у огня. Маленькая рука сжала край шкуры.

Он всё слышал.

И вот это было хуже любого спора.

Я медленно села.

Кетиль больше не играл.

Пир продолжился, но уже не стал прежним. Люди ели осторожнее. Говорили тише. Смотрели то на меня, то на Эйрика, то на Хравна. Асгейр пил мёд с видом человека, который получил ровно то, за чем пришёл.

Гудрун подошла ко мне, когда я сидела над остывшей похлёбкой.

— Ешь.

— Не хочу.

— Ешь, сказала.

Я взяла ложку.

Она наклонилась ниже.

— Ты сегодня могла умереть не от ножа, а от языка.

— Я знаю.

— Нет. Не знаешь. Здесь слово, сказанное у огня, живёт дольше человека. Мужчины завтра забудут, сколько выпили, но будут помнить, что чужая женщина судила их закон.

— Значит, пусть помнят.

Гудрун посмотрела на меня тяжело. Но не как на врага.

Скорее как на дурную девку, которую очень хочется стукнуть по затылку, чтобы жила дольше.

— Храбрость без ума быстро становится работой для тех, кто роет ямы.

— Я не собираюсь в яму.

— Тогда учись выбирать, когда открывать рот.

Она ушла.

Я осталась с миской. С ложкой. С шумом дома, который снова понемногу поднимался вокруг.

Позже, когда ужин закончился, меня повели обратно в мой угол. Не к двери. Не в пристройку. Уже маленькая победа. Или просто Эйрик не хотел, чтобы я исчезла из поля зрения.

У выхода из тёплой части дома меня остановил Кетиль.

Старик сидел на лавке, будто случайно. Пальцы лежали на струнах.

— Хорошая правка, — сказал он.

— К чему?

— К песне.

— Вы всё равно споёте, как захотите.

— Конечно. Я же не твоя служанка.

Я устало посмотрела на него.

— Тогда зачем спрашивали?

Кетиль усмехнулся.

— Хотел услышать, кто ты: ведьма, дура или женщина с зубами.

— И?

— Пока всё вместе. Но ведьм я видел хуже.

— Утешили.

Он наклонился ближе. Глаза у него были старые, хитрые и совсем не весёлые.

— Осторожнее, лекарка. Если песню начали с ведьмы, закончить её можно мёртвой.

Я не успела ответить.

Стражник подтолкнул меня к моему месту у стены.

Я легла на шкуру, натянула на плечи грубое покрывало и долго смотрела в темноту под балками.

В доме пахло дымом, рыбой, людьми и недосказанной угрозой.

Где-то кашлянул Хальвдан.

Я повернула голову на звук.

Живой.

Пока живой.

А у огня кто-то совсем тихо напевал уже знакомую строку:

“У чёрной воды, где камни остры...”

Я закрыла глаза.

Кетиль был прав.

Песня началась.

Глава 10. Рана воина

После песни дом стал смотреть на меня иначе.

Не лучше.

Просто внимательнее.

Раньше я была ведьмой, которую не успели утопить. Потом — странной лекаркой, из-за которой кипятили воду и спорили у очага. После вчерашнего ужина я стала ещё и женщиной, которая посмела ответить песне.

А это, как объяснила Гудрун, было почти так же опасно, как ответить мечу.

— Меч хотя бы видно, — сказала она утром, ставя передо мной миску с кашей. — А песня ползёт под дверь, когда ты спишь.

— Очень бодрое начало дня.

— Ты сама выбрала себе день, девочка.

Она назвала меня девочкой, не Лив и не ведьмой. Я решила считать это прогрессом. Маленьким. Суровым. С привкусом дыма и угроз.

Хальвдану стало лучше.

Жар почти ушёл, но слабость держалась. Он кашлял, пил воду и делал вид, что не ненавидит меня за каждую чашу. Иногда смотрел на меня из-под одеяла так, будто мы с ним делили тайну. Наверное, делили. Он принёс мне хлеб, я не сказала никому про деревянный нож. Для шестилетнего на-

следника это уже союз.

Сольвейг тоже пошла на поправку. Рука не распухла, краснота не ползла, пальцы слушались. Теперь она сама приходила перевязываться и всякий раз предупреждала:

— Только не говори, что будет почти не больно. Врёшь плохо.

— Тогда будет неприятно.

— Лучше.

Тора делала вид, что ничего этого не видит.

Хравн не появлялся с утра.

Асгейр тоже.

И именно поэтому я почти расслабилась.

Глупость.

Ближе к полудню у входа раздался глухой стук, будто кто-то не вошёл, а врезался в дверь плечом. Несколько женщин обернулись. Сколь поднял голову и тихо зарычал.

В дом вошёл Бьёрн.

Я уже видела его рядом с Эйриком: огромный, тяжёлый, со сломанным носом и бородой, в которой, кажется, мог застрять нож. Левая рука у него двигалась хуже правой, но это не делало его слабее. Наоборот, казалось, что он однажды поспорил с самой смертью, проиграл часть руки, но выиграл право хмуриться на всех остальных.

Сейчас он тащил за ворот молодого воина.

Тот был бледный, злой и пытался выглядеть так, будто пришёл сам. Получалось плохо: ноги у него заплетались, гу-

бы были серые, а правая рука прижата к боку под плащом.

— Гудрун! — рявкнул Бьёрн.

— Не ори, я не в море, — отозвалась она из хозяйственного угла.

— Где ведьма?

Все посмотрели на меня.

Я подняла руку.

— Ведьма на месте. Лекарка тоже.

Бьёрн перевёл на меня тяжёлый взгляд.

— Посмотри.

Он толкнул молодого воина на лавку. Тот зашипел от боли, но тут же стиснул зубы, будто звук вырвался случайно и теперь должен быть наказан.

— Не надо, — процедил он. — Само пройдёт.

Я подошла ближе.

— Любимая фраза умирающих мужчин.

Кто-то у очага тихо хмыкнул.

Молодой воин зло поднял глаза.

— Я не умираю.

— Пока не знаю. Покажи руку.

— Нет.

Бьёрн ударил его по затылку раскрытой ладонью. Не сильно, но внушительно.

— Покажи.

— Бьёрн!

— Если сдохнешь от царапины, я скажу твоей матери, что

ты умер от глупости. Она поверит.

Воин покраснел от злости и стыда, но плащ убрал.

Я увидела руку.

И внутренне выругалась.

На предплечье — длинный порез, полученный явно не сегодня. Кожа вокруг красная, натянутая, горячая. Края раны слиплись грязной коркой, под ней виднелся желтоватый гной. Запах тоже был. Слабый, но узнаваемый.

Вот теперь веселье закончилось.

— Когда?

Воин молчал.

Я посмотрела на Бьёрна.

— Три дня назад, — сказал тот. — На тренировке. Кнут зацепил его лезвием.

— Лезвием? Настоящим?

— Тупым, — буркнул воин.

— Судя по руке, недостаточно.

Я осторожно коснулась кожи вокруг раны. Горячая. Отёк. Он дёрнулся.

— Болит?

— Нет.

— Врёшь хуже меня.

Сольвейг у очага тихо фыркнула.

Воин покосился на неё так, будто она предала весь мужской род.

— Имя? — спросила я.

— Сигурд, — ответил Бьёрн за него.

— Сигурд, у тебя рана гноится.

— Она заживает.

— Она гниёт.

Он побледнел сильнее.

Зря я так прямо. Хотя иногда прямота полезнее ласки.

— Если её не вычистить, станет хуже. Может пойти жар.

Может распухнуть вся рука. Можешь потерять её.

— Руку? — спросил он уже тише.

— Или жизнь, если совсем повезёт плохо.

Дом молчал.

Мужчины, сидевшие ближе к выходу, смотрели теперь без насмешки. Женщины — с тревогой и тем нехорошим интересом, который появляется у людей, когда чужая беда может стать общей.

Бьёрн сложил руки на груди.

— Что нужно?

— Вода. Кипячёная. Чистая ткань. Нож — самый чистый, какой найдёте. Лучше прокалить на огне. Мёд, если есть. И кто-нибудь сильный, чтобы держать его.

Сигурд резко вскочил.

— Не дам себя резать ведьме!

Бьёрн поймал его за плечо и посадил обратно.

— Дашь.

— Я воин!

— Пока ты мешок с гноем.

В доме кто-то не выдержал и хрюкнул от смеха.

Сигурд покраснел до ушей.

Я посмотрела на Бьёрна.

— Вы всегда так утешаете?

— Утешать будет мать. Я привёл живым — моя часть сделана.

— Ещё не сделана. Держать будете вы.

Он прищурился.

— Командуешь?

— Прошу очень вежливо.

— Нет.

— Тогда он дёрнется, я сделаю хуже, а вы будете объяснять ярлу, почему его воин остался без руки из-за вашей гордости.

Бьёрн смотрел на меня пару секунд.

Потом хмыкнул.

— Злая.

— Уставшая.

— Похоже.

Он встал за спиной Сигурда и положил огромную ладонь ему на плечо.

— Сиди.

Гудрун уже распоряжалась у очага. Вода грелась. Ткань принесли. Тора подошла ближе, хмурая, с мешочком трав на поясе.

— Рану надо вытягивать, — сказала она.

— После того как откроем и промоем.

— Ты хочешь снова пустить кровь.

— Я хочу выпустить гной.

Сигурд застонал.

— Она сказала “выпустить”?

— Мёртвый мужчина терпит лучше всех, — сказала я. —

Выбирай, кем хочешь быть.

Бьёрн вдруг рассмеялся.

Громко. Низко. Так, что даже Сколь поднял голову.

— Хорошая ведьма.

— Лекарка, — поправила я.

— Пока хорошая ведьма.

Я закатала рукава. Посмотрела на свои чужие руки. На пальцы с царапинами, ожогами, следами трав и воды. Эти руки всё ещё не были моими, но работали так, будто знали: сейчас важнее не философия, а рана.

Нож прокалили. Ткань приготовили. Воду остудили до терпимой. Я вымыла руки, как могла. Дом снова наблюдал за этим почти с суеверным ужасом.

Сигурд смотрел на нож так, будто я держала не инструмент, а его будущую смерть.

— Смотри на Бьёрна, — сказала я.

— Зачем?

— Его лицо страшнее ножа. Отвлечёшься.

Бьёрн фыркнул.

Сигурд не хотел смеяться, но угол рта дрогнул. И в этот

момент я быстро сняла корку и открыла рану.

Он закричал.

Бьёрн удержал.

— Держи крепче! — сказала я.

— Держу!

— Не его гордость, его руку!

— Я тебя слышу!

Гной вышел сразу. Густой, жёлтый, с неприятным запахом. Женщина у очага тихо охнула. Кто-то отвернулся. Сигурд задышал часто, почти с паникой.

— Дыши, — сказала я. — Не задерживай.

— Больно!

— Знаю.

— Ты сказала, будет...

— Я не говорила, что будет легко. Я вообще не люблю обещать.

— Я тебя ненавижу!

— Отлично. Значит, живой.

Я промывала рану, снова и снова. Вода мутнела. Ткань пачкалась. Тора стояла рядом, сжав губы. Но не мешала. Только один раз подала мне сухой чистый кусок льна раньше, чем я попросила.

Я коротко взглянула на неё.

— Спасибо.

— Не болтай. Работай.

Даже это уже было сотрудничество.

Когда основная грязь вышла, я осторожно осмотрела края. Глубоко, но не до кости. Сухожилия, кажется, целы, раз пальцы шевелятся. Нужно оставить дренаж? В таких условиях — хотя бы не закрывать намертво. Мёд тонким слоем, чистая повязка, менять часто, смотреть жар. Антибиотиков нет. Нормальной антисептики нет. А значит — молиться всем, кто не занят, как я сказала Торе ночью.

— Мёд, — попросила я.

Гудрун принесла маленькую чашку.

— Мало.

— Тогда не тратьте на плохое пиво.

Она посмотрела на меня.

— Твой язык однажды отрежут.

— Надеюсь, после того, как мне выдадут нормальные инструменты.

— Какие ещё инструменты?

Я кивнула на нож.

— Тоньше. Чище. Щипцы. Иглы. То, чем можно работать, а не пытаться.

Коль, кузнец, сидевший у дальней стены, поднял голову.

Он до этого молчал, но теперь его глаза стали внимательнее.

— Щипцы для ведьмы? — спросил кто-то из молодых мужчин.

— Для ваших гнойных рук, — сказала я. — Но если хотите, можете продолжать приносить мне мясницкие ножи и

героизм.

Бьёрн снова усмехнулся.

Сигурд к тому времени уже не сопротивлялся. Лежал бледный, мокрый от пота, но сознание не потерял. Я перевязала руку не слишком туго, проверила пальцы.

— Шевели.

Он пошевелил.

— Ещё раз.

— Я не ребёнок.

— Все вы не дети, пока не надо пить воду, лежать и не трогать повязку.

Сигурд бросил на меня злой взгляд.

— Я могу держать меч.

— Сегодня ты можешь держать чашу с водой. Это твой подвиг.

Бьёрн хлопнул его по здоровому плечу.

— Слышал? Новый подвиг. Расскажем скальду.

Кетиль, сидевший у стены, не открывая глаз, сказал:

— Я уже слушаю.

Сигурд застонал:

— Только не песню.

— Поздно, — ответил Кетиль. — “О воине, что бился с тряпкой и проиграл”.

В доме засмеялись.

На этот раз смех был другим.

Не над ведьмой.

Над своим.

Сигурд покраснел, но не от страха. От злости и смущения. Значит, будет жить. Или хотя бы очень постарается, чтобы доказать, что не боится тряпки.

Я села назад на пятки. Только теперь поняла, что у меня дрожат руки.

Бьёрн заметил.

— Устала?

— Нет. Просто радуюсь.

— Чему?

— Что никто пока не умер от чистой воды.

Он коротко кивнул. Не улыбнулся уже.

— Ты сказала, может быть жар.

— Да. Нужно смотреть. Если станет горячим, если рука распухнет, если появятся красные полосы вверх по руке — сразу ко мне.

— Красные полосы?

— Плохой знак.

Бьёрн запомнил. Я увидела, как он запомнил.

Вот с такими людьми можно работать: не обязательно верить, главное — слушать.

Сигурд вдруг сказал тише:

— Орм говорил, нельзя к тебе идти.

Я подняла голову.

В доме как будто стало холоднее.

Бьёрн медленно повернулся к нему.

— Что?

Сигурд сглотнул. Видимо, понял, что сказал лишнее.

— Ничего.

— Говори, — сказал Бьёрн.

Сигурд посмотрел на меня, потом на Бьёрна.

— Орм сказал, если рука сгниёт, все увидят, что ведьма приносит беду. Сказал, пусть гниёт. Так будет лучше.

Молчание стало тяжёлым.

Я почувствовала, как внутри поднимается знакомый холод.

Орм.

Имя я уже слышала. Аста боялась его. В голосах за стеной я не узнала говоривших, но теперь вокруг Хальвдана, Лив, Асгейра, Хравна и Орма начинала складываться грязная, липкая сеть.

Бьёрн больше не смеялся.

— Когда он это сказал?

— Вчера. После песни.

— При ком?

Сигурд отвёл глаза.

— Были люди.

— Кто?

— Не помню.

Бьёрн наклонился ближе. Его голос стал ниже.

— Вспомнишь.

Сигурд побледнел.

Я неожиданно почувствовала к нему жалость. Он был глупым, упрямым, перепуганным мальчишкой в теле воина. И кто-то уже пытался использовать его гниющую руку как доказательство против меня.

— Сейчас не трясите его, — сказала я. — Он и так еле сидит.

Бьёрн посмотрел на меня.

— Ты защищаешь его?

— Я защищаю свою повязку. Если он упадёт, придётся начинать заново.

— Врёшь.

— Плохо?

— Средне.

Он выпрямился.

У входа стоял Эйрик.

Я не знала, когда он вошёл. Снова. У него был талант появляться в те моменты, когда правда только начинала выглядывать из-под шкуры.

Он смотрел не на меня.

На Сигурда.

— Орм сказал это?

Сигурд попытался подняться. Бьёрн удержал.

— Ярл...

— Да или нет?

— Да.

Эйрик ничего не сказал.

И это было страшнее крика.

Он перевёл взгляд на Бьёрна.

— Найди Орма.

Бьёрн кивнул.

Потом Эйрик посмотрел на меня. На мои мокрые руки, на испачканную ткань, на рану Сигурда, на миску с мутной водой.

— Он будет жить?

Я устало выдохнула.

— Если будет слушать.

— Он будет.

Сигурд хотел возразить, но Бьёрн положил ему руку на плечо.

— Будет.

Эйрик кивнул.

— Гудрун даст тебе место для работы.

Я не сразу поняла.

— Что?

— Не здесь, у очага. Отдельно. Чтобы раненные не лежали среди еды и детей.

Гудрун резко подняла голову.

— Ярл...

— Малое помещение рядом с кладовой.

— Там ткани.

— Перенесёшь.

Она смотрела на него так, будто он предложил сжечь по-

ловину дома.

Потом посмотрела на меня.

— Если ты испортишь мои ткани, я пожалею, что вода тебя не взяла.

— Запишу в правила.

Эйрик уже собирался уходить, но я сказала:

— Мне нужны инструменты.

Он остановился.

— Какие?

— Тонкий нож. Щипцы. Иглы. Чистая металлическая чаша, если возможно. И человек, который умеет делать железо тоньше, чем ваша гордость.

Коль у стены хмыкнул.

Гудрун закрыла глаза.

Бьёрн впервые улыбнулся по-настоящему.

Эйрик посмотрел на кузнеца.

— Коль.

Тот поднялся.

— Я слышал.

— Сделаешь.

— Если ведьма объяснит, что ей надо.

— Лекарка, — поправил Хальвдан.

Все повернулись.

Мальчик проснулся и смотрел на нас с ложа. Бледный, сонный, но упрямый.

— Она лекарка, — повторил он тише.

В доме никто не засмеялся.

Даже Кетиль молчал.

Эйрик посмотрел на сына. Потом на меня.

— Значит, объяснишь кузнецу, лекарка.

Слово прозвучало без тепла.

Но при всех.

И я вдруг поняла, что этот день изменил больше, чем казалось. Я всё ещё была пленницей. Всё ещё чужой. Всё ещё под угрозой тинга и воды.

Но теперь ко мне привели воина.

Теперь Бьёрн слышал Орма.

Теперь Хальвдан назвал меня лекаркой.

А Эйрик не поправил.

Я опустила взгляд на свои руки — в крови, воде и гное.

Чужие руки.

Мои руки.

И впервые с момента ледяной бухты подумала: возможно, этим рукам здесь всё-таки найдётся место.

Даже если за это место придётся драться с целым домом.

Глава 11. Условия ярла

Место для работы оказалось кладовой.

Разумеется.

В этом доме всё важное начиналось с кладовой, ключей и недовольного лица Гудрун.

Она привела меня туда после полудня, когда Сигурд наконец перестал делать вид, что у него не болит рука, и уснул на лавке под присмотром Бьёрна. Хальвдан пил воду, кашлял и смотрел на меня с видом заговорщика. Сольвейг демонстративно шевелила пальцами перевязанной руки всякий раз, когда рядом проходила Тора.

А я думала только об одном: если ко мне теперь будут приводить раненых, я не могу каждый раз устраивать операционную посреди каши, детей и рыбных костей.

Да и “операционная” — громкое слово.

Скорее угол, где есть вода, свет и шанс, что никто не сунет локоть в открытую рану.

Кладовая располагалась у боковой стены большого дома, ближе к хозяйственным помещениям. Низкая дверь, тяжёлый запах трав, льна, сухой рыбы и старого дерева. Внутри было тесно. На полках лежали свёртки ткани, мешочки, связки трав, деревянные чаши, старые кожаные ремни, костяные иглы и всякое добро, которое Гудрун, судя по взгляду, считала ценнее моей жизни.

— Здесь? — спросила я.

— А что, тебе ещё башню поставить? — отрезала она.

— Башню не надо. Окно бы.

— Окно ей.

— Свет нужен.

— Огонь есть.

— Огонь дымит.

Гудрун медленно повернулась ко мне.

— Ты когда-нибудь бываешь довольна?

— Была. Один раз. Кажется, в прошлом году. Недолго.

Она фыркнула.

Это уже почти дружеская реакция. Если не знать Гудрун, можно было и не понять.

Я прошла внутрь. Пол земляной, но сухой. Стены из бревна. В углу можно поставить миски с водой. Полки — разобрать. У двери — место для низкой лавки. Если попросить Коля сделать металлическую чашу, а не эту деревянную беду... если выделить чистую ткань отдельно... если запретить таскать сюда всё подряд...

Стоп.

Я поймала себя на слове “если”.

Вот в этом и была проблема.

Я уже начала обустраивать себе место в доме, где меня вчера ещё называли ведьмой, а позавчера — вели к воде.

— Не улыбайся, — сказала Гудрун.

— Я не улыбаюсь.

— У тебя лицо стало опасно живым.

— Я думаю.

— Вот это и опасно.

Я провела пальцами по полке. Пыль. Травяная крошка. Чья-то старая кровь на краю деревянной чаши. Великолепно.

— Здесь надо всё вымыть.

— Всё?

— Да.

— Ты хочешь вымыть кладовую?

— Я хочу не заносить грязь в раны.

Гудрун прищурилась.

— Если я позволю тебе вымыть кладовую, Тора три дня будет говорить, что ты смыла с трав силу.

— Передайте Торе, что сила, которая боится воды, подозрительная.

— Сама передашь. Я не дура подставляться вместо тебя.

Снаружи раздались шаги.

Гудрун сразу выпрямилась.

Я повернулась.

В дверях стоял Эйрик.

Не знаю, сколько он слышал. С ним всегда так: появлялся молча, как плохая новость. За его плечом маячил стражник, но внутрь не вошёл.

Эйрик оглядел кладовую. Полки, ткань, мои руки, Гудрун, узкую лавку у стены.

— Подойдёт? — спросил он.

Я хотела сказать: нет.

Потому что не хватало света, места, инструментов, чистоты, нормальной воды, спокойствия и хотя бы одного человека, который не называл бы меня ведьмой через слово.

Но это всё равно было лучше, чем лечить Сигурда у очага под песню Кетиля и недовольное дыхание Торы.

— Подойдёт, если вы действительно хотите, чтобы я лечила.

Эйрик посмотрел внимательнее.

— Говори.

Гудрун тихо выдохнула.

Кажется, она уже поняла, что будет плохо.

Я тоже поняла.

Но остановиться не могла.

— Мне нужны условия.

Эйрик не изменился в лице.

Гудрун закрыла глаза.

— Пленницы не ставят условий, — сказал он.

— Пленницы не лечат наследников.

Тишина стала такой плотной, что даже пыль в воздухе будто зависла.

Стражник у двери напрягся.

Гудрун не открывала глаз. Наверное, мысленно выбирала, какой ложкой потом будет выскребать меня с пола.

Эйрик сделал шаг внутрь.

Кладовая сразу стала меньше.

— Ты забываешь, где стоишь.

— Нет. Я как раз очень хорошо помню, где стою. В кладовой, которую мне выделили потому, что ваши люди гниют, кашляют, режутся и упрямо отказываются мыть руки.

— Мои люди жили до тебя.

— И умирали тоже.

Его взгляд стал холоднее.

Но я уже видела: он слушает.

Это было главное.

— Мне нужна чистая вода, — сказала я. — Отдельная. Для ран, для больных, для Хальвдана. Не из общей чаши. Не из ведра, где полощут руки после рыбы.

— Воду дадут.

— Кипячёную.

— Это уже приказано для мальчика.

— Не только для мальчика. Для всех ран.

— Дальше.

— Ткань. Отдельно. Чистую. Не ту, которой вытирали стол или заворачивали рыбу.

Гудрун наконец открыла глаза.

— Ткань не растёт на камнях.

— Руки тоже.

Она посмотрела на меня так, будто снова решила пересчитать, сколько хлопот я стою.

— Дальше, — повторил Эйрик.

— Инструменты. Коль должен сделать тонкий нож, щипцы, иглы. Металлическую чашу. Если возможно — несколько. И место, где это можно хранить отдельно, чтобы никто не чистил ими рыбу.

— Рыбу? — переспросил Эйрик.

— Вы удивитесь, как часто люди используют полезные вещи самым отвратительным образом.

Гудрун буркнула:

— Не удивится. Он знает своих людей.

Эйрик не улыбнулся, но угол его рта едва заметно дрогнул. Или мне показалось.

— Ещё?

— Право осматривать больных, когда меня зовут. Без того, чтобы каждый раз ждать, пока три человека решат, опасно ли ведьме подходить к руке, ноге или чьему-то кашлю.

— Нет.

Быстро.

Жёстко.

Вот тут мы и пришли к настоящему спору.

— Нет? — переспросила я.

— Ты не будешь ходить по дому и поселению без надзора.

— Я не прошу ходить гулять.

— Ты просишь свободу передвижения.

— Я прошу не убивать людей задержками.

— Ты просишь то, что тебе не принадлежит.

— А жизнь ваших людей принадлежит вам?

Он молчал.

Гудрун тихо сказала:

— Девочка...

Но я не остановилась.

— Если меня зовут к больному, а стражник решает сначала найти Гудрун, потом Гудрун ищет вас, потом вы спорите с Торой и Хравном, а потом все вместе думаете, можно ли мне зайти, — кто-то умрёт. Не потому что я не умею лечить. Не потому что боги решили. А потому что вы не дали мне вовремя подойти.

Эйрик подошёл ближе.

Теперь между нами было меньше шага. Он стоял так, что свет от двери падал ему на плечо, а лицо оставалось в тени.

— Ты говоришь так, будто я мешаю тебе спасать.

— Иногда да.

— Осторожнее.

— Я устала быть осторожной с теми, кто уже держал меня у воды.

На этот раз он действительно изменился.

Совсем немного. Но я увидела.

Словно под камнем что-то треснуло.

— Ты жива, — сказал он.

— Потому что Хальвдан заболел вовремя?

Гудрун резко втянула воздух.

Эйрик не ударил. Не схватил. Даже не повысил голос.

От этого было страшнее.

— Ты хочешь, чтобы я забыл, кто ты для этого дома?

— Я хочу, чтобы вы хотя бы на час перестали видеть во мне только Лив с чужой виной.

— А кто ты?

Вопрос ударил неожиданно.

Не как в допросе. Тише.

Но тяжелее.

Я могла бы снова сказать: Варвара Соколова. Фельдшер. Женщина из будущего. Не ваша Лив. Не ваша ведьма. Не ваша пленница.

Но в этой кладовой, среди льняных свёртков, сухих трав и дымного света, мои слова звучали бы как бред.

Поэтому я сказала то, что он мог понять.

— Та, кто умеет делать то, чего не умеете вы.

Эйрик смотрел на меня долго.

Потом спросил:

— И что ты хочешь за это умение?

Свободу.

Слово вспыхнуло сразу.

Вернуть своё тело. Дом. Маму. Телефон, который я не взяла. Горячую воду. Чистые простыни. Аптечку, где не надо выбирать между мёдом и молитвой.

Но я была не настолько глупа.

— Пока — работать без бессмысленных препятствий.

— Пока?

— Я всё ещё хочу жить, ярл. И желательно не на верёвке.

Его взгляд скользнул к моему запястью.

Верёвку сняли утром, но след остался. Красный, тёмный по краям, с засохшей корочкой. Я заметила, что он смотрит на него дольше, чем нужно.

— Ты останешься под надзором, — сказал он.

— Я поняла.

— За каждый выход из дома отвечает стражник.

— Если стражник будет мешать, я буду ругаться.

— Он выдержит.

— Не обещайте за него.

Гудрун тихо фыркнула.

Эйрик продолжил:

— Без моего слова ты не выйдешь за пределы двора.

— Я и не собиралась любоваться окрестностями.

— К Хальвдану подходишь, когда рядом Тора, Гудрун или я.

— Если ему станет хуже ночью?

— Позовут меня.

— А если вы будете спать?

— Меня разбудят.

— А если пока вас будят, он перестанет дышать?

Тишина.

Я видела, как ему не нравится этот вопрос. Потому что он был не дерзким. Он был точным.

— Тогда зовут тебя сразу, — сказал он наконец. — Но стражник идёт рядом.

Я кивнула.

— С раненым?

— Гудрун решает, можно ли вести его сюда.

— Гудрун не лекарка.

— Но она знает мой дом.

Гудрун подняла подбородок. Ей это понравилось, хотя она не показала.

— Хорошо, — сказала я. — Тогда если Гудрун говорит, что человек нуждается во мне, никто не спорит у двери.

— Кроме меня.

— Вы каждый раз будете лично проверять порезы, кашель, роды и гной?

Эйрик посмотрел на меня.

— Роды?

— Иногда женщины рожают. Случается.

Гудрун хмыкнула громче.

— Эта права, ярл. Даже твой приказ тут мало что меняет. Вот теперь угол его рта дрогнул точно.

На миг.

Очень коротко.

Но я увидела.

— Что ещё? — спросил он.

— Мне нужна помощница.

— Нет.

— Вы даже не спросили зачем.

— Нет.

— Вода сама не носится. Ткань сама не стирается. Раненые сами не держат повязки. И если я буду делать всё одна, то либо упаду, либо начну убивать людей усталостью.

— У тебя будет стражник.

Я посмотрела на стражника у двери. Тот сделал вид, что не слышит.

— Он будет стирать ткань?

Гудрун кашлянула.

— Я бы посмотрела.

Стражник покраснел.

Эйрик задумался.

— Кого?

Я сразу хотела сказать: Асту.

Потому что Аста уже помогала. Потому что была тихой, внимательной и, главное, не смотрела на меня как на ходячее проклятие каждую секунду.

Но я вспомнила её слова: “Не говори, что спрашивала меня”.

Если я назову её сейчас, привяжу к себе. А я всё ещё была опасностью.

— Ту, кого даст Гудрун, — сказала я.

Ключница посмотрела на меня резко. Поняла.

Умная женщина.

— Дам девку, когда смогу, — сказала она. — Но если начнёшь учить трэлей дерзости...

— Я учу мыть руки.

— Это иногда одно и то же.

Эйрик оглядел кладовую ещё раз.

— Будет так. Это место — для лечения. Ткань получишь по счёту Гудрун. Воду — кипятить. Инструменты — Коль сделает, если поймёт твои слова. За пределы дома не выходишь без приказа. К больным идёшь под надзором. С Хальвданом — не остаёшься одна.

Каждое условие ложилось на меня как камень.

Но между камнями оставались щели.

В этих щелях можно было дышать.

— И ещё, — сказала я.

Гудрун почти простонала:

— Боги, девочка...

Эйрик медленно повернул голову.

— Ещё?

— Если вы хотите, чтобы я спасала ваших людей, перестаньте угрожать мне смертью каждый раз, когда я говорю неприятную правду.

Он посмотрел на меня так, будто я попросила отдать мне его меч.

— Ты хочешь, чтобы я позволил тебе говорить всё?

— Нет. Я хочу, чтобы вы отличали дерзость от диагноза.

— Диагноза?

— От правды о болезни.

— Правда бывает опасна.

— Болезнь опаснее, когда о ней молчат.

Мы стояли друг напротив друга, и на этот раз это был не спор пленницы с хозяином.

Это было что-то другое.

Он давил властью.

Я давила необходимостью.

Ни у кого из нас не было мягкого места для уступки. И всё же мы оба уже понимали: если он сломает меня полностью — потеряет лекарку. Если я сломаю его власть при людях — потеряю защиту и, скорее всего, голову.

Эйрик первым отвёл взгляд.

Не вниз. Просто в сторону, к полкам.

— Ты будешь говорить мне правду о болезни, — сказал он. — Но не будешь позорить моих людей ради своего языка.

— Договорились.

— И не будешь говорить при каждом, что мой дом грязен.

Я помедлила.

— А если он грязен?

Гудрун за моей спиной тихо прошептала:

— Сейчас убьёт.

Но Эйрик только посмотрел на меня.

Долго.

Потом сказал:

— Тогда скажешь Гудрун.

— Мудро, — буркнула Гудрун. — Пусть сначала меня доводит.

На этом, кажется, совет закончился.

Эйрик вышел из кладовой, но у двери остановился.

— Вара.

Я подняла голову.

— Да?

— Ты просила место.

Он посмотрел на полки, на пустой угол, на чаши, на ткань.

— Вот оно.

Не подарок.

Не милость.

Не свобода.

Но место.

Моё первое место в этом доме.

Он ушёл.

Стражник остался у двери.

Гудрун молча сняла с пояса один из ключей. Небольшой, железный, тёмный от времени. Повертела в пальцах. Посмотрела на меня.

— Не думай лишнего.

— Я ещё ничего не подумала.

— У тебя лицо уже подумало.

Она вложила ключ мне в ладонь.

Тяжёлый. Холодный.

От лечебной кладовой.

Я сжала его пальцами и почему-то не смогла сразу вдохнуть.

В моём мире ключи открывали квартиру, шкафчик в ор-

динаторской, машину, подъезд. Здесь ключ был не просто железом. Здесь ключ означал, что тебе доверили кусок дома. Пусть под надзором. Пусть с оговорками. Пусть потому, что без тебя неудобно.

Но доверили.

— Если потеряешь, — сказала Гудрун, — я сниму кожу с твоих рук и сделаю из неё мешочек для трав.

— Приятно, что вы верите в мою полезность.

— Я верю в свои ключи.

Она вышла.

Я осталась одна в кладовой.

Почти одна: за дверью стоял стражник, за стеной шумел дом, у очага кашлял Хальвдан, где-то Хравн наверняка уже объяснял людям, почему ведьме нельзя давать ключи.

Но в ладони у меня лежал холодный железный ключ.

Я медленно провела пальцем по его зубцам.

Пленница с ключом.

Смешно.

Опасно.

Почти надежда.

Вечером мы с Гудрун вымывали кладовую.

Точнее, я вымывала, Гудрун командовала, две девки носили воду, а стражник у двери делал вид, что всё происходящее ниже его достоинства. Пока Гудрун не сунула ему ведро.

— Держи.

— Я воин.

— Сегодня ты стойка для воды.

Он взял ведро.

Я отвернулась, чтобы не улыбнуться.

Мы сняли с полок старые свёртки, перебрали ткань, отложили то, что можно кипятить, и то, что годилось только на половые тряпки. Нашли три деревянные чаши без трещин, одну костяную иглу, моток льняной нити, крошечный нож с неудобной ручкой и связку трав, от которых Тора, увидев, пришла в ужас.

— Не трогай это.

— Я просто смотрю.

— Ты смотришь так, будто хочешь всё сварить.

— Пока не решила.

Тора выхватила связку.

— Молодые всегда думают, что мир начался с них.

Я устала спорить. Поэтому сказала мягче:

— А старшие иногда думают, что мир должен закончиться там же, где им удобно.

Она замерла.

Гудрун стукнула ведром о пол.

— Обе замолчали. Одна — потому что ведьма, другая — потому что старая и должна быть умнее.

Тора ушла, шурша травами.

Но не хлопнула дверью.

Тоже прогресс.

К ночи кладовая изменилась.

Не стала чистой по моим меркам. До моих мерок ей было дальше, чем до луны. Но пол уже не лип к подошвам, чаши стояли отдельно, чистые тряпки лежали в одном свёртке, грязные — в другом, вода грелась у маленького очага, а на полке появилась моя первая почти-медицинская зона.

Я села на лавку и устало прислонилась к стене.

Руки дрожали.

Не от крови сегодня. От работы. От холода. От странного чувства, что я сделала шаг внутрь этого мира и сама не заметила, как.

В дверь заглянул Хальвдан.

За ним сразу появилась Аста с испуганным лицом.

— Ему нельзя, — прошептала она. — Он сам...

— Конечно сам, — сказала я.

Хальвдан стоял в шерстяном плаще, бледный, но уже не прозрачный. В руках держал маленький деревянный молоточек Тора на шнурке.

— Отец сказал, тебе дали место.

Я посмотрела на ключ в ладони.

— Похоже на то.

— Теперь ты останешься?

Вопрос был тихий.

Слишком тихий.

Аста опустила глаза.

Я не знала, что ответить.

Потому что правильный ответ был: нет, мальчик, я хочу

домой. В свой мир. В своё тело. К маме, которой не ответила. Я не должна привязываться к тебе, потому что ты чужой ребёнок в чужом веке, сын женщины, который мог меня казнить.

Но Хальвдан смотрел так, будто в моём ответе было больше, чем просто ночь или завтрашний день.

Я медленно сказала:

— Пока ты кашляешь, я никуда не денусь.

Он подумал.

— Тогда я буду кашлять долго.

Сердце болезненно сжалось.

— Не смей, — сказала я хрипло. — Я очень злая лекарка.

Он чуть улыбнулся и ушёл с Астой.

Я осталась в кладовой, с ключом на ладони и странной тяжестью под рёбрами.

За стеной Волчий дом шумел, дышал, кашлял, спорил, жил.

А я вдруг поняла: место мне дали не для того, чтобы я стала свободной.

Место мне дали потому, что я стала нужной.

И в этом мире одно легко могли спутать с другим.

Глава 12. Чужая память

Ночью лечебная кладовая стала моей.

Не по-настоящему, конечно. За дверью сидел стражник. Ключ от кладовой я могла держать только внутри дома. Выйти за порог без разрешения всё ещё значило получить чей-нибудь тяжёлый взгляд, чужую руку на плече и напоминание, что я жива не потому, что свободна, а потому, что полезна.

Но впервые с ледяной бухты у меня было место, где никто не стоял над душой каждую секунду.

Почти никто.

Стены пахли травами, влажным деревом и дымом. На полках лежали свёртки ткани, миски, мешочки, нитки, косяные иглы, несколько ножей, которые я уже мысленно записала в список “непригодно для лечения, зато прекрасно для пыток”. У маленького очага медленно грелась вода. В углу стояла низкая лавка, на которой днём лежал Сигурд, ругался, потел и клялся, что ему уже лучше.

Рука у него пока не ухудшалась.

Хальвдан тоже дышал ровнее.

Сольвейг приходила на перевязку без криков.

Если забыть о Хравне, Асгейре, Орме, красной нити и перспективе тинга, день можно было бы назвать хорошим.

Я усмехнулась сама себе.

У меня явно снизились требования к хорошим дням.

Гудрун оставила мне корзину со старыми тряпками.

— Разбери. Что годится на повязки — отдельно. Что только на пол — отдельно. Что тронешь без спроса — руку откушу.

— Вы или Сколь?

— Я быстрее.

После этого она ушла, но перед дверью остановилась и добавила:

— И не лезь в травы Торы.

— Я просто посмотрю.

— Ты всё “просто” делаешь так, что потом весь дом кричит.

Спорить было бессмысленно.

Я дождалась, пока её шаги стихнут, и всё равно полезла в травы.

Не из вредности.

Ну, почти.

Мне нужно было понимать, что здесь есть. Чем можно промывать, чем обезболивать, чем травить, чем лечить, чем нельзя пользоваться вообще. Местные растения я знала плохо. В современном мире у меня были аптечки, ампулы, инструкции, дозировки, протоколы. Здесь — сушёные стебли, запахи, чужие названия и Тора, которая, если попросить объяснить, сначала съест меня взглядом, потом, возможно, скажет половину правды.

Я развязала один мешочек.

Мята. Или что-то похожее.

Другой — горькая кора.

Третий — трава с резким, почти лекарственным запахом.

Я осторожно потерла лист между пальцами, понюхала и тут же отложила. Позже спрошу. Не у Торы — у Гудрун. Или у Асты, если она знает.

Аста.

После того как мне дали кладовую, она стала появляться чаще. Носила воду, ткань, иногда новости. Делала это так тихо, что стражники перестали на неё обращать внимание. В этом была её сила: быть невидимой там, где все остальные хотели казаться важными.

Я перебрала ткань. Потом чаши. Потом костяные иглы.

Одна из них лежала отдельно, в маленьком кожаном мешочке, который Гудрун, кажется, принесла вместе с вещами, отданными мне после переезда из пристройки. Я не сразу узнала его.

А потом пальцы сами замерли.

Мешочек Лив.

Тот самый.

Эйрик забрал его после допроса. Значит, вернул? Или Гудрун выпросила? Или просто не понял, что именно отдаёт?

Я медленно взяла мешочек в руки.

Кожа была мягкая, старая. На шнурке — узел, завязанный небрежно, но крепко. Внутри сухо шуршали травы. Я высы-

пала содержимое на ткань: несколько стеблей, камешек с руной, обрывок красной нити и костяная игла.

Тонкая, светлая, с вырезанным знаком у тупого конца.

Я уже видела её.

Или не я.

Лив.

Пальцы похолодели.

— Только без этого, — прошептала я. — Давай без обмороков, ладно?

Разумеется, тело не послушалось.

Стоило мне коснуться руны на игле, как кладовая дёрнулась, будто кто-то выдернул из мира нижнюю доску.

Дым исчез.

Травы исчезли.

Стены исчезли.

Остался снег.

Он летел в лицо мокрыми тяжёлыми хлопьями. Холод резал лёгкие. Я бежала, задыхаясь, прижимая к груди свёрток красной ткани. Нет — не я. Лив. Ноги скользили по камням. Подол путался. Волосы лезли в рот.

Позади хрустели шаги.

— Лив!

Мужской голос. Злой. Знакомый телу до дрожи.

— Стой, девка!

Рука вцепилась в волосы.

Боль вспыхнула в коже головы так резко, что я едва не

закричала уже там, в кладовой. Но видение не отпускало.

Лив ударилась коленями о снег. Красная ткань выпала из рук. На ней — тёмные пятна, почти чёрные в ночи. Запах горький, тяжёлый, приторный. Такой запах бывает у трав, которые лечат в малой дозе и убивают в большой.

— Куда спрятала? — прошипел голос.

Я не видела лица. Только сапоги. Мокрую шерсть. Серебряное кольцо на руке, мелькнувшей у самого лица.

Лив попыталась схватить ткань.

Кто-то ударил её по затылку.

Мир качнулся.

Снег стал красным.

Потом — камень. Большой, тёмный, наполовину скрытый под корнями. Курган над фьордом. Ветер. Ворон на ветке. Чужие пальцы, судорожно роющие снег под камнем.

Лив прятала что-то.

Нет. Не ткань. Ткань уже забрали.

Что-то меньше. Твёрдое. Костяное. Или серебряное.

И шёпот, тонкий, как трещина во льду:

— Не верь тому, кто говорит от имени богов.

Я очнулась на полу.

Грудь сдавило так, будто я действительно бежала. Ладонь была прижата к горлу. В другой руке я сжимала костяную иглу так сильно, что её острый край впился в кожу.

Передо мной на коленях стояла Аста.

Глаза у неё были огромные.

— Вара...

Я попыталась ответить. Не смогла. Воздуха не хватало.

— Ты упала, — сказала она. — Я вошла, а ты... ты лежала.

Глаза открытые, но будто не здесь.

Я медленно села. Пол качался. В ушах стучало.

— Сколько?

— Что?

— Сколько я так была?

— Несколько вдохов. Может, больше.

Она смотрела не на меня. На иглу в моей руке.

И боялась.

Не так, как боялись женщины у очага, когда называли меня ведьмой. Иначе. Личнее. Как человек, который уже видел, чем заканчиваются такие вещи.

— Что? — спросила я.

Аста отодвинулась на полшага.

— Так было у Лив.

Я замерла.

— Что именно?

— Она тоже падала. Иногда. После кургана. Или после трав Торы. Смотрела в пустое место, а потом говорила то, чего не могла знать.

Кладовая вдруг стала очень маленькой.

— Что она говорила?

Аста опустила глаза.

— Нельзя.

— Аста.

— Нельзя, Вара.

— Меня уже один раз вели топить. Слово “нельзя” теперь звучит слабо.

Она резко подняла голову.

— А меня могут продать. Или высечь. Или отдать Орму, если он скажет, что я слишком много слышала.

Имя Орма легло между нами, как нож.

Я выдохнула.

Слишком быстро. Опять слишком быстро. Я видела в ней помощницу, источник новостей, первую живую нитку в этом доме. И забывала, что она не свободна. Что за мои вопросы она может заплатить кожей.

— Прости, — сказала я.

Аста моргнула.

Кажется, не ожидала.

— Я не должна была давить.

— Свободные всегда давят. Даже когда говорят мягко.

— Я не свободная.

Она посмотрела на ключ у меня на поясе.

— Для них — уже больше, чем я.

Ответить было нечем.

Я медленно разжала пальцы. На ладони осталась тонкая красная полоска от иглы.

— Я видела снег, — сказала я. — Лив бежала. У неё была красная ткань. Кто-то гнал за ней. Потом курган. Камень.

Она что-то спрятала.

Аста побледнела.

— Не говори так громко.

— Стены слушают?

— Здесь стены из дерева, но у них уши лучше, чем у людей.

Её собственная фраза, только теперь без насмешки.

Я посмотрела на дверь. Стражник снаружи не двигался.

Или делал вид.

— Ты знаешь про красную ткань?

Аста молчала.

— Аста.

— Я слышала только обрывки.

— От кого?

— От женщин. От Сигрун. От Лив, когда она уже почти не спала.

Имя Сигрун я запомнила. Дочь Бьёрна. Вдова. Колючая. Пока мы почти не говорили.

— Что Лив сказала?

Аста присела ближе к очагу, будто тепло могло защитить от слов.

— Она была тихая. Всегда. Не как ты.

— Это я уже слышала.

— Нет. Ты не понимаешь. Лив могла целый день работать рядом и сказать три слова. Когда на неё кричали, она молчала. Когда Орм... — Аста запнулась. — Когда её били, тоже

молчала.

Я сжала иглу в пальцах.

— Оорм бил её?

Аста посмотрела в сторону двери.

— Я не видела.

— Но знаешь.

— Здесь многое знают не глазами.

Я заставила себя не задавать следующий вопрос. Не сейчас.

— Продолжай.

— Перед тем как её схватили, она изменилась. Стала ходить к кургану. Искала Сигрун. Спрашивала Тору про отвар, который давали Рагнхильд.

Рагнхильд.

Мёртвая жена Эйрика. Мать Хальвдана.

— Она говорила, что Рагнхильд умерла не от родов, — тихо сказала я.

Аста кивнула.

— Да.

Кладовая стала ещё холоднее.

За стеной кто-то засмеялся у очага. Жизнь дома продолжалась, как будто внутри маленькой комнаты мы не трогали пальцами старую смерть.

— Что именно она знала?

— Не знаю.

— Аста...

— Не знаю! — прошептала она резко. — Она сказала, что видела чашу. Что запах был не тот. Что Хальвдану тоже грозит беда, если она не успеет сказать ярлу.

У меня перед глазами снова вспыхнуло: красная ткань, тёмные пятна, горький запах.

— Она успела?

Аста горько усмехнулась.

— Если бы успела, её бы не повели к воде.

Я закрыла глаза.

Лив знала. Пыталась предупредить. Ей не поверили.

А теперь я сидела в её теле, с её лицом, её следами верёвок и её врагами. Я не просто попала в прошлое. Я попала в чей-то недоговорённый крик.

— Кто говорит от имени богов? — спросила я.

Аста застыла.

— Что?

— В видении. Голос сказал: “Не верь тому, кто говорит от имени богов”.

Она медленно отодвинулась.

— Не надо.

— Это Хравн?

— Не говори его имя здесь.

— Это Хравн? — повторила я.

Аста вскочила.

— Ты странная ведьма. Другие хотя бы проклинаяют. Ты заставляешь мыть чашки, споришь с ярлом и зовёшь смерть

по имени, будто она тебе должна.

— Я не ведьма.

— Тогда не веди себя так, будто боги тебе не страшны.

Я тоже поднялась. Слишком резко — голова поплыла.

— Мне страшны не боги. Мне страшны люди, которые прячут убийства за их спинами.

Аста закрыла рот ладонью.

И именно в этот момент дверь открылась.

Мы обе повернулись.

На пороге стояла Тора.

Сухая, тёмная, с лицом, на котором не было ни удивления, ни злости. Только настороженность. Хуже — понимание.

Её взгляд скользнул по полу, по мешочку Лив, по костяной игле в моей руке, по побледневшей Асте.

— Выйди, девка, — сказала она.

Аста не двинулась.

Тора повернула к ней голову.

— Я сказала — выйди.

Аста бросила на меня быстрый взгляд и выскользнула за дверь.

Мы остались вдвоём.

Тора вошла медленно, закрыла дверь и подошла к полке с травами. Поставила на неё маленький мешочек, который держала в руке.

— Гудрун сказала, ты лезла в мои травы.

— Я смотрела.

— Ты всегда называешь воровство учёбой?

— Только когда собираюсь вернуть.

Она посмотрела на иглу.

— Это не трава.

Я сжала её в пальцах.

— Это Лив.

— Лив мертва.

Слова прозвучали слишком быстро.

Я подняла глаза.

— Вы уверены?

Тора замерла.

На миг её лицо изменилось. Старость, злость, усталость

— всё осталось. Но под этим мелькнул страх.

Не передо мной.

Перед тем, что я могла узнать.

— Не играй с чужими костями, девочка, — сказала она.

— В этом доме мёртвые не любят, когда их будят.

— А живые любят, когда из-за мёртвых топят невиновных?

— Невиновных здесь мало.

— Лив была виновна?

Тора молчала.

Вот и ответ.

Не полный. Но уже что-то.

Я подошла к ней на шаг.

— Она говорила вам о Рагнхильд?

Лицо Торы стало каменным.

— Кто сказал?

— Значит, говорила.

— Ты не знаешь, о чём спрашиваешь.

— Тогда объясните.

— Нет.

— Почему?

Тора резко повернулась.

— Потому что у тебя в руках кусок чужой смерти, в голове — чужие видения, а язык работает быстрее ума. Если ты начнёшь кричать о Рагнхильд у очага, тебя снова поведут к воде. И на этот раз мальчик может оказаться слишком здоровым, чтобы тебя спасти.

Удар получился точным.

Я замолчала.

Тора взяла с полки связку трав, понюхала, будто проверяя себя, потом сказала уже тише:

— Лив была дурой.

— Потому что говорила правду?

— Потому что думала, что правда сама себя защитит.

Я смотрела на неё и впервые видела не только врага.

Видела женщину, которая что-то знала. Которая слишком долго молчала. Которая за этим молчанием прятала не только страх, но и вину.

— Рагнхильд можно было спасти? — спросила я.

Тора подняла на меня глаза.

В них было столько боли, что я пожалела о вопросе раньше, чем она ответила.

Но она не ответила.

Только забрала у меня костяную иглу.

— Это пока будет у меня.

— Нет.

— Да.

— Это вещь Лив.

— Именно поэтому не тебе с ней бегать по дому, падая в обмороки.

Я хотела вырвать иглу обратно, но Тора сжала пальцы так, что костяшки побелели.

— Хочешь жить — перестань трогать всё, что шепчет.

— А если это единственное, что говорит правду?

— Тогда слушай тише.

Она положила иглу в свой мешочек и пошла к двери.

— Тора.

Она остановилась.

— Красная ткань. Где она?

Старая знахарка не повернулась.

— Если бы я знала, девочка, ты бы уже была не первой, кто спросил.

Дверь закрылась.

Я осталась одна.

На полу лежал мешочек Лив. Травы рассыпались по ткани. Камешек с руной тускло блестел в свете очага. Красная

нить прилипла к краю моей ладони.

Я наклонилась, чтобы собрать вещи, и вдруг почувствовала запах.

Слабый.

Едва заметный под дымом, травами и старой кожей.

Горький.

Я замерла.

Медленно вывернула мешочек наизнанку.

На внутренней стороне, у самого шва, темнело маленькое засохшее пятно. Почти незаметное. Если не знать, что ищешь, можно принять за грязь или старую смолу.

Я поднесла ближе.

Тот же запах.

Горький, тяжёлый, приторный.

Так пахла красная ткань в видении.

Так пахла чаша, которую Лив не успела объяснить.

Так, возможно, пахла смерть Рагнхильд.

Снаружи засмеялись мужчины. Кто-то позвал Гудрун. Хальвдан закашлялся, и мой взгляд сам метнулся к двери.

Живой дом шумел вокруг меня.

А в ладонях у меня лежал мешочек мёртвой девушки, которая, кажется, пыталась спасти его раньше меня.

Я прижала ткань к груди.

— Лив, — прошептала я. — Что ты нашла?

Ответа не было.

Только горький запах.

И чувство, что где-то за стенами Волчьего дома человек, говорящий от имени богов, уже знает: я начала слушать.

Глава 13. Роды Йорунн

Ночью меня разбудил не крик.

Крики в Волчьем доме случались часто: дети дрались, женщины ругались, мужчины возвращались пьяными, Сколь лаял на тень у двери. Я уже научилась отличать обычный шум от беды.

Меня разбудила тишина после крика.

Она ударила сильнее.

Я села на лавке в лечебной кладовой, ещё не понимая, где сон, где явь. В очаге тлели угли. Вода в чаше остыла. За дверью кто-то быстро говорил, но так тихо, будто боялся потревожить не людей — смерть.

Потом дверь распахнулась.

На пороге стояла Аста. Бледная, растрёпанная, с глазами больше лица.

— Вара. Гудрун зовёт.

Я уже была на ногах.

— Хальвдан?

— Нет. Женщина. Роды.

Сон слетел окончательно.

Я схватила чистую ткань, которую берегла для Сигурда, потом ещё одну, потом миску. Руки сами искали то, чего здесь не было: перчатки, антисептик, ножницы, зажимы, стерильный набор, ампулы, нормальный свет.

Ничего.

Только вода, ткань, огонь, мои руки и чужой дом, который всё ещё не решил, лекарка я или беда.

— Воду кипятить, — сказала я. — Много. И свет.

Аста кивнула и исчезла.

Стражник у двери поднялся.

— Куда?

— Туда, где женщина рожает.

— Мне велено...

— Если хочешь смотреть роды — пойдём. Но предупреждаю, мужчины обычно бледнеют быстрее рожениц.

Он отступил.

Не знаю, от моих слов или потому что за его спиной уже появилась Гудрун.

— Быстро, — сказала она. — Йорунн слабеет.

Я знала Йорунн в лицо. Мягкая женщина из поселения, жена рыбака Эйнара. Она приходила к очагу дважды — приносила творог для Хальвдана и смотрела на меня не со страхом, а с осторожным любопытством. Живот у неё был большой, низко опущенный. Третий ребёнок, говорили женщины. Значит, роды должны были идти легче.

Если не идут — плохо.

Очень плохо.

Мы шли через дом быстро. Женщины уже проснулись, кто-то натягивал платье, кто-то ставил воду к огню, кто-то шептал имя Фрейи. В дальнем хозяйственном помещении,

где обычно хранили шерсть и старые шкуры, горел слабый свет. Оттуда пахло потом, кровью, дымом и травами.

У двери стоял Эйнар.

Широкоплечий, рыжеватый, с лицом человека, который готов руками удержать мир от обвала, но не знает, за что хвататься. Когда он увидел меня, сразу шагнул поперёк входа.

— Нет.

Гудрун остановилась.

— Эйнар.

— Ведьма к моей жене не подойдёт.

Изнутри донёсся стон.

Не громкий. Слабый. Измученный.

Я попыталась заглянуть через его плечо.

— Сколько идут роды?

— Не твоё дело.

— Сейчас уже моё.

Он схватил меня за руку выше локтя.

Слишком сильно.

— Я сказал — нет.

Я посмотрела на его пальцы. Потом на него.

— Убери руку.

— Я не отдам Йорунн тебе.

— Тогда отдашь смерти?

Он дёрнулся, будто я ударила.

Гудрун резко сказала:

— Эйнар,пусти её.

— Тора там.

— Я знаю.

— Тора принимала двух моих детей.

— А третьего пока не приняла, — сказала я.

Эйнар побледнел от ярости.

Из комнаты вышла Тора.

Лицо у неё было мокрое от пота, волосы выбились из-под платка. В руках — окровавленная ткань. Увидев меня, она не стала ругаться. И от этого мне стало страшнее.

— Рано её позвали, — сказа

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.